

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Она одержима желанием угодить тем, кого любит.  
Он должен выбрать между долгом и чувством.  
Лишь надежда спасет героев...

[www.aromancereview.com](http://www.aromancereview.com)



HARLEQUIN®

# БРЕНДА ДЖОЙС

На этом маскараде  
за веселыми масками  
скрываются человеческие  
трагедии

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Номинация на премию  
Historical K.I.S.S. Award

# Маскарад

Продано более 14 миллионов экземпляров

Семейство де Уоренн

Бренда Джойс

**Маскарад**

«Центрполиграф»

## **Джойс Б.**

Маскарад / Б. Джойс — «Центрполиграф», — (Семейство де Уоренн)

Когда Элизабет Фицджеральд вернулась из Дублина с ребенком на руках, все ахнули. Такая застенчивая, такая благоданравная девушка, и вдруг опозорена! Имя отца вызвало еще большее удивление – лорд Тайрел де Уоррен, будущий граф Адар. Лизи была с детства влюблена в Тайрела. И знатного наследника привлекала скромная тихая девушка. Так привлекала, что он настойчиво предлагал Элизабет стать его любовницей, хотя был помолвлен. Кроме того, Тайрел был уверен, что ребенок не от него. Но вскоре он узнал, что и Лизи не мать мальчика. Какую странную игру затеяла эта с виду невинная девушка? И какая тайна связана с этим так похожим на Тайрела малышом?..

## Содержание

Выражение признательности	5
Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

# Бренда Джойс Маскарад

## Выражение признательности

*Этот роман посвящается памяти моего дяди Сэма, самого доброго мужчины, которого я когда-либо знала. Он навсегда останется в моем сердце*

Окончательный вид и форма этого романа не были бы возможны без поддержки моего редактора Миранды Индиго. Я очень благодарна ей за готовность всегда исправить и пересмотреть. Также поблагодарю Люси Чайлдс за ее исключительный энтузиазм, искреннюю поддержку и поразительную готовность выслушать. Наконец, как всегда, я остаюсь обязанной и вечно благодарной моему агенту Аарону Приесту.

## Пролог Принц и герой

Мать стояла позади нее и говорила так громко, что маленькая девочка, к несчастью, слышала каждое ее слово. Она приблизила книгу к лицу, пытаясь сосредоточиться на тексте. Но это было невозможно, потому что они уставились на нее. Щеки Лизи пылали.

– Разумеется, она нелюдима, но лишь потому, что стесняется. Конечно же она не хочет никого обидеть таким поведением. И ей всего десять! Я уверена, что пройдет время, и Лизи станет такой же очаровательной, как моя дорогая Анна. Ведь Анна настоящая красавица, не правда ли? И Джорджина Мей. Да, она идеальная старшая дочь. Помогает мне во всем. И очень благоразумна, – заявила мама. – И всегда выполняет свои обязанности.

– Не могу представить, Лидия, как ты управляешься с тремя дочерьми почти одного возраста, – сказала собеседница мамы. Она была сестрой пастора и приехала в Корк ненадолго. – Но тебе повезло. Анна удачно выйдет замуж, когда достигнет совершеннолетия, – она так красива, что тебе не нужно о ней беспокоиться! И у Джорджины Мей тоже прекрасные данные. Я думаю, она станет красивой женщиной.

– О, я в этом уверена! – воскликнула мать, словно могла заставить таким образом исполниться свои желания. – И у Лизи тоже все будет хорошо, я не сомневаюсь. Она перерастет детскую полноту, не правда ли?

Возникла короткая пауза.

– Конечно, она похудеет, если не будет сладкоежкой. Но если станет синим чулком, тебе будет нелегко найти ей подходящего мужа, – предостерегла жена пастора. – Я буду внимательно присматривать за ней. Разве она не слишком молода, чтобы читать?

Лизи оставила попытку вникнуть в содержание, прижав драгоценную книгу к груди и надеясь, что мама не подойдет и не отнимет ее. Щеки горели от смущения, и она хотела, чтобы гости говорили о чем-то или ком-то еще. Мать и сестра пастора перешли к обсуждению других взрослых, и Лизи с облегчением вздохнула.

Возможно, летний пикник был не самым подходящим местом для чтения. Собралось много людей – вся ее семья, самый близкий сосед, пастор и его жена. Всего семь взрослых и шестеро детей, включая Лизи. Ее сестры и их друзья играли в пиратов. Похожий июньский день был наполнен криками и смехом. Лизи мельком взглянула на происходящее, посмотрев на Анну, которая исполняла роль девицы в горе и собиралась разреветься над какой-то неудачей. Старший сын пастора пытался успокоить ее, пока его младший брат и соседский мальчик размахивали палками, словно настоящие пираты. Джорджи лежала на траве, изображая жертву какого-то ужасного невезения.

Лизи не пригласили играть. Да она и не хотела. Чтение увлекло ее с того момента, как она могла различить первые несколько слов, и за последние шесть месяцев внезапно, словно по волшебству, могла смотреть на предложение и понимать большинство слов. Очень быстро чтение стало ее страстью и жизнью. Ей было все равно, что читать, хотя она предпочитала сказки об отважных героях и рыдающих героинях. Сейчас она читала один из рассказов сэра Вальтера Скотта, несмотря на то что он был написан для взрослых и ей потребовалось час или более, чтобы прочесть одну страницу.

Лизи еще раз обернулась и поняла, что совсем одна. Взрослые сидели на больших одеялах и открывали корзины с едой. Ее сестры все еще играли с мальчиками. Она затрепетала от волнения и открыла свою книгу.

Но до того как она смогла перечитать последний абзац, на котором остановилась, к озеру, всего в двенадцати футах от того места, где она сидела, легким галопом подъехала группа

наездников. Их голоса были мужественными, громкими и молодыми, и Лизи подняла голову, когда они спешили.

Зачарованная, она заметила, что там было пять юношей. Ей стало еще интереснее и любопытнее. Они ездили на прекрасных, трепетных лошадях, и на них была хорошо скроенная дорогая одежда. Они точно были аристократами. Смеясь и крича, они снимали свои куртки и рубашки, обнажая стройные, загорелые и потные тела. Они собирались поплавать.

Может, они из «Адара»? Лизи было интересно. У графа Адара, единственного аристократа в округе, было три сына и два пасынка. Лизи прижала книгу к груди, наблюдая, как ныряет высокий светловолосый юноша и как за ним следует еще один, темноволосый, стройнее и ниже. Послышались крики и шум, когда к ним с гиканьем и смехом присоединились еще двое. Они брызгали друг в друга водой. Лизи улыбнулась.

Она не умела плавать, но, похоже, это было весело.

Затем она взглянула на юношу, который остался на берегу. Он был очень высокий, смуглый, как испанец, с черными волосами, стройный и очень мускулистый. И с любопытством смотрел на нее.

Лизи уткнулась в книгу, надеясь, что хоть ему она не кажется толстой.

– Эй, толстушка, дай-ка мне это!

Младший сын пастора вырвал книгу у Лизи из рук.

– Вилли О'Дэй! – воскликнула она, вскочив. – Отдай мне книгу, хулиган!

Он фыркнул ей в лицо. Мальчишка был злой, и Лизи презирала его.

– Иди и возьми ее, если хочешь, – усмехнулся он.

Он был на три года старше Лизи и на целых три фута выше. Лизи потянулась за книгой, и он сразу же поднял ее над головой, так чтобы она не смогла ее достать. И рассмеялся:

– Книжный червь!

Лизи потратила много времени на то, чтобы прочитать первые десять страниц, и боялась, что Вилли не вернет ее.

– Пожалуйста! Пожалуйста, отдай мне книгу!

Шалун книгу не отдавал, а когда Лизи попыталась выхватить ее, он размахнулся и бросил ее в озеро.

Лизи ахнула, наблюдая, как ее книга плывет по воде у берега. Ее глаза наполнились слезами, а Вилли рассмеялся снова.

– Иди и возьми ее, если хочешь, толстушка, – сказал он, уходя.

Не раздумывая, Лизи подбежала к берегу озера и потянулась за книгой.

И, к своему ужасу, потеряла равновесие и упала.

Вода окружила ее со всех сторон. Рот Лизи наполнился водой, она закашлялась, наглоталась еще больше воды и стала задыхаться. Она запаниковала, почувствовав, что тонет.

Она отчаянно барахталась, когда сильные руки схватили ее. Внезапно она оказалась над водой, в руках юноши. Она ухватилась за него, прижав лицо к его груди, кашляя и всхлипывая одновременно. Он вышел из озера. Лизи отдышалась, паника и страх быстро отступили. Все еще держась за сильные плечи юноши, она посмотрела на него.

Посмотрела в самые красивые темно-голубые глаза, которые когда-либо видела.

– Ты в порядке? – спросил спаситель, внимательно на нее глядя.

Лизи хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Их взгляды встретились, и она просто смотрела, и, пока смотрела, она...

По уши, безнадежно и бесповоротно влюбилась. Ее сердце забило сильнее.

– Лизи! Лизи! О боже, Лизи! – услышала она крики матери с берега.

– Вы принц? – прошептала Лизи.

Он улыбнулся. Ее сердце на секунду замерло, а потом забило еще сильнее.

– Нет, малышка, я не принц.

Нет, он принц, подумала Лизи, не в состоянии оторвать взгляд от его красивого лица. Ее принц.

– Лизи! Она в порядке? Моя дорогая малышка в порядке? – Мать была на грани истерики. Принц опустил ее на одеяло.

– Думаю, да. Немного вымокла, но сегодня замечательный теплый день, так что одежда быстро высохнет.

– Лизи. – Отец присел перед ней на колени, бледный от испуга. – Девочка моя, о чем ты думала? Подойти к озеру так близко!

Лизи застенчиво улыбнулась, но не папе, а своему принцу.

– Я в порядке, папа.

Улыбка исчезла с лица принца.

– Как нам отблагодарить вас, лорд Тайрел? – заплакала мама, хватая его за обе руки.

– Не стоит, миссис Фицджеральд. Она в безопасности, и этого достаточно, – ответил он.

И Лизи поняла, кто перед ней. Следующий граф Адар, старший сын графа, Тайрел де Уоренн. Она прижала колени к груди, все еще ошеломленно на него глядя. Но она знала, что он принц или, по крайней мере, похож на него, ведь на юге Ирландии граф Адар подобен королю.

Родные и сводные братья Тайрела обступили их, любопытные и обеспокоенные. Тайрел повернулся, и они сразу же отошли, давая ему пройти. Лизи хотела окликнуть его, пока не поняла, что он делает. Завороженная, она смотрела, как он заходит в озеро и забирает ее тонущую книгу. Через минуту он был возле нее.

– Думаю, тебе понадобится новая книга, малышка, – улыбнулся он.

Лизи закусила губу, слишком стесняясь, чтобы поблагодарить его.

– Лорд Тайрел, мы в долгу перед вами, – серьезно сказал отец.

Тайрел небрежно махнул рукой. Он огляделся, и его взгляд стал жестче. Он пристально смотрел на Вилли О'Дэя.

Вилли бросился бежать.

Тайрел тут же догнал его и схватил за ухо. Не обращая внимания на крики озорника, он потащил его к Лизи.

– Опустись на колени и попроси прощения у маленькой леди, – сказал он, – или я тебя выпорю.

И в первый раз в жизни Вилли сделал то, что ему сказали. Он всхлипывал, когда просил у Лизи прощения.

## Часть первая Октябрь 1812 – июль 1813

### Глава 1 Роковая встреча

Элизабет Энн Фицджеральд смотрела в книгу, но не могла разобрать ни слова. Буквы на странице расплывались, и казалось, будто она читает без очков. Может, это и к лучшему: мама ненавидела, когда она читала за столом. И сейчас она села к завтраку с любовным романом некоторое время назад, совсем забыв про еду. Лизи вздохнула и закрыла книгу. Она так взволнована из-за завтрашнего дня, что вряд ли сможет сосредоточиться.

Взволнована и испугана.

Отец сидел во главе небольшого стола со вчерашним номером «Дублин тайме». Он с шумом перевернул страницу, увлеченный статьей о войне, когда взял чашку чаю. Наверху суетились домочадцы. Лизи слышала, как ее мать и две старших сестры носятся по спальням, громко стуча каблуками. Также до нее доносились причитания Анны и отрывистый чувственный голос Джорджи. Мама выкрикивала команды, как генерал. Папа, казалось, не обращал на это внимания – такой хаос был привычным в их доме.

Лизи посмотрела на него, надеясь, что он поднимет взгляд. Она хотела поговорить, но была не уверена, что может довериться кому-либо.

– Ты смотришь на меня, – произнес отец, не поднимая головы. – Что случилось, Лизи?

Она помедлила.

– Это нормально – так сильно нервничать?

Папа посмотрел на нее поверх газеты. Его улыбка была доброй.

– Это всего лишь бал, – сказал он. – Может быть, твой первый, но не последний.

Он был низкорослым мужчиной с рано поседевшими волосами, седыми усами и добрым выражением лица. Как и Лизи, он носил очки в оправе, но не только для чтения; если Лизи о чем-то и сожалела, так это о том, что унаследовала плохое зрение от такого удивительного отца.

Лизи почувствовала, как краснеет. Она старалась не встречаться с ласковым взглядом отца, не хотела, чтобы он знал, как она напугана. В конце концов, ей было уже шестнадцать, она взрослая женщина или почти взрослая. Она не хотела, чтобы кто-то в ее семье подозревал, что она до сих пор не рассталась с детскими фантазиями, – кроме того, ночью они совсем не казались детскими.

Ее щеки разгорелись еще больше.

Под столом о ее ноги потерся, мурлыкая, покалеченный кот, которого она спасла и принесла в дом в прошлом году.

Но отец отложил газету и теперь разглядывал ее.

– Лизи, это всего лишь бал. И ты уже бывала в доме. – Он подразумевал дом графа Адара. – Знаешь, дорогая, мы все заметили, как странно ты себя ведешь последние несколько дней. У тебя даже пропал аппетит, а все мы знаем, как ты любишь поесть. Что тебя беспокоит, милая?

Лизи хотела улыбнуться ему, но у нее не получилось. Что она могла сказать? Ее увлечение молодым человеком, который даже не знает о ее существовании, выглядело забавным, когда ей было десять. Это стало причиной поднятых бровей и беспокойства в тринадцать – в цветущем возрасте созревания. На следующий год, увидев его в городе с красивой аристократкой, она

поняла, как глупо ее чувство. Такую влюбленность больше нельзя было допускать, и Лизи знала это, особенно теперь, когда ее стали вывозить в свет вместе со старшими сестрами.

Но он будет на балу, потому что появлялся там в каждый канун Дня Всех Святых, ведь он наследник графа. По словам ее старших сестер, он держался вежливо со всеми гостями его семьи – и был объектом преследования женщин и темой их разговоров. Каждая мать, озабоченная замужеством дочери, глупо надеялась, что сможет заполучить его в женихи, хотя и знала, что он женится на той, кого выберет его семья. Стоило Лизи закрыть глаза, как она видела образ смуглого, величественного Тайрела де Уоренна, его пронзительный и напряженный взгляд.

От мысли о том, что она увидит его завтра на балу, у нее захватило дух. Глупо, но ее сердце забилося сильнее. Глупо, но она видела, как вежливо он кивает ей, берет ее руку... и внезапно она оказывается на его белом коне рядом с ним, и они скачут в ночь.

Лизи улыбнулась, поняв, что витает в облаках, и ущипнула себя. Даже если она пойдет на бал в костюме девы Мэриан – «Робин Гуд» был одним из ее любимых произведений, – Тайрел не заметит. Да она и не хотела, чтобы он ее замечал. Не хотела, чтобы он смотрел на нее с полным отсутствием интереса, как это делали ухажеры ее сестры Анны. Она будет стоять у стены с другими девушками без кавалеров и наблюдать, как он флиртует и танцует. Затем, когда вернется домой в свою постель, она будет вспоминать каждый его жест и взгляд, каждое слово и даже прикосновение.

*Он внезапно остановил лошадь, обнял Лизи за талию, его дыхание было близко у ее щеки...*

Пульс Лизи участился, и ее тело пронзило странное томление, которое она едва понимала.

– Лизи? – прервал ее размышления папа.

Она закусил губу, широко раскрыла глаза и странно улыбнулась ему.

– Я хочу... – начала она импульсивно и замолчала.

– Чего ты хочешь, моя дорогая?

Она была более близка с отцом, чем с матерью, возможно, потому, что он тоже любил читать и мечтать. В холодные дождливые дни их можно было найти в гостиной, сидящими в креслах у камина и погруженными в свои книги.

– Я хочу быть такой же красивой, как Анна, – прошептала она. – Хотя бы один раз... только завтра вечером.

Его глаза округлились.

– Но ты такая хорошенькая! – воскликнул он. – У тебя самые необыкновенные серые глаза!

Лизи мягко улыбнулась ему, зная, что он больше не скажет комплиментов. А затем она услышала, как мама сбегает по ступенькам и зовет ее:

– Лизи!

Лизи и папа обменялись взглядами, понимая причину резкого тона матери. Что-то было не так, и она хотела, чтобы Лизи это исправила. Лизи ненавидела конфликты и очень часто исполняла роль миротворца в семье. Сейчас она встала, точно зная, что случилось.

Мать вошла в гостиную, почти вбежала. Ее щеки горели, поверх полосатого халата надет фартук. Рыжеватая блондинка, как и Лизи, непослушные волосы которой были просто заколоты, она была коротко и модно подстрижена. У них было одинаковое среднее телосложение, и Лизи беспокоилась, что издали их могли перепутать из-за округлых фигур. Сейчас Лидия Джейн Фицджеральд резко остановилась перед своей шестнадцатилетней дочерью, чуть не упав.

– Лизи! Ты должна поговорить со своей сестрой, у меня ничего не получается! Она самая упрямая и неблагоприятная девчонка! Джорджина решила, что не пойдет на бал! О боже! Скан-

дал! Неблагодарность! Графиня, благослови ее святую душу, никогда не простит этого! И ради бога! Джорджина ведь самая старшая. Как же она найдет себе поклонника, если отказывается идти на самое значительное мероприятие года? Она хочет выйти замуж за мясника или кузнеца?

Лизи встала, сдержав вздох, так как увидела, как Джорджи медленно спускается по ступенькам, вздернув подбородок. Джорджи была темной блондинкой, очень высокой и стройной. Она посмотрела на Лизи, и ее взгляд говорил, что компромиссов не будет. Лизи вздохнула:

– Мама, я поговорю с Джорджи.

– Ты должна не просто поговорить с ней! – воскликнула Лидия, словно не замечая присутствия Джорджи. – Нас приглашают к графу только два раза в год! Это будет самым худшим оскорблением, как если бы вся наша семья не пришла!

Первое утверждение было верным. Граф и графиня Адар открывали двери своего дома два раза в год, в канун Дня Всех Святых, когда проводили костюмированный бал, и в День святого Патрика, для пышной вечеринки в саду. Лидия жила ради двух этих событий, так как это была редкая возможность для ее дочерей общаться с элитой ирландского общества, и все они знали, что она молила Бога о том, чтобы одна из ее дочерей вышла замуж за богатого ирландского аристократа, возможно одного из сыновей де Уоренн. Лизи знала, что у ее матери есть сокровенная мечта. Хотя она и говорила, что ее семья – потомки древней кельтской линии, де Уоренны были настолько выше их, что отличие было почти подобно разнице между крестьянином и королем. Никто бы не придал значения, если бы Джорджи отказалась прийти.

Но Лизи также знала, что ее мать хочет только хорошего, она предана своим дочерям и боялась, что они неудачно выйдут замуж, и была напугана, что не выйдут вообще. Она изо всех сил старалась хорошо одеть и накормить своих дочерей на маленькую пенсию отца и представить их обществу, чтобы они не казались обедневшими дворянами. И Джорджи тоже это знала.

Джорджи заговорила твердым голосом:

– Никто не заметит моего отсутствия, мама. Глупо думать иначе. И, учитывая папину пенсию и тот факт, что Анна точно выйдет замуж первой, принимая во внимание доступные средства для приданого, я сомневаюсь, что найду партию лучше, чем мясник или кузнец.

Лизи ахнула от дерзости Джорджи и быстро скрыла улыбку. У Лидии не нашлось слов.

Отец кашлянул в кулак, пытаясь скрыть улыбку.

Лидия расплакалась.

– Я всю жизнь посвятила тому, чтобы найти тебе и твоей сестре мужей! А сейчас ты отказываешься ехать в «Адар»! И говоришь о замужестве, – ее передернуло, – с мужчиной из низшего слоя общества! Джорджина Мей! – Рыдая, она выбежала из столовой.

Повисло молчание.

У Джорджи был немного виноватый вид.

Отец укоризненно взглянул на нее.

– Оставляю вас двоих разбираться с этим, – сказал он сестрам. И добавил Джорджи: – Я знаю, что ты сделаешь то, что нужно.

Он вышел из комнаты.

Джорджи вздохнула и посмотрела на Лизи покорно и мрачно:

– Ты знаешь, как я ненавижу эти сборища. Думала, смогу избежать хоть этого.

Лизи подошла к любимой старшей сестре:

– Разве не ты мне как-то сказала, дорогая, что брак служит определенной социальной цели?

Никто не мог объяснять тему более разумно, чем ее старшая сестра.

Джорджи закрыла глаза.

– Полагаю, ты также упомянула, что это взаимовыгодно для обеих сторон, – продолжила Лизи, зная, что в точности повторяет слова сестры.

Джорджи посмотрела на нее:

– Лизи, тогда мы обсуждали помолвку Хелен О'Дэл с этим глупым пижоном сэром Ланденом!

– Мама так предана своему долгу перед нами, – мягко проговорила Лизи. – Я знаю, она иногда ведет себя нелепо, но всегда старается сделать как лучше.

Джорджи подошла к столу и села, нахмурившись.

– Я и так чувствую себя ужасно, а тут еще ты...

Лизи села рядом с ней, взяв ее за руку:

– Ты обычно такая стойкая! В чем же дело?

Джорджи серьезно посмотрела на нее:

– Я просто думала не ходить на этот бал. Я надеялась провести вечер читая «Тайме» папы. Только и всего.

Лизи знала, что это не все. Но не может быть, чтобы она хотела избежать маминого сватовства. К тому же Джорджи всегда была покорно вежлива, когда другая женщина на ее месте чувствовала бы отвращение.

Джорджи вздохнула:

– Я никогда никого не встречу в «Адаре». Мама сошла с ума, если думает иначе. Если кто-то и может заполучить там мужа, так это Анна. Внимание уделяют только ей.

Это правда. Анна была такой красивой и беззаботной. И очень любила пофлиртовать.

– Ты что, завидуешь? – удивленно спросила Лизи, чувствуя, что права.

Джорджи скрестила руки на груди:

– Конечно же нет. Я очень люблю Анну. Все ее любят. Но это правда. Знатные кавалеры завтра вечером будут у Анны, а не у тебя или у меня. Так что какой смысл?

– Если ты действительно хотела остаться дома, то могла бы притвориться, что у тебя мигрень или жуткое несварение, – произнесла Лизи.

Джорджи посмотрела на нее, наконец-то улыбнувшись:

– У меня никогда не бывает мигрени и здоровье как у быка.

Лизи дотронулась до ее руки:

– Думаю, ты ошибаешься. Да, Анна кокетка, но ты такая умная и такая гордая! К тому же ты красивая, Джорджи, и однажды найдешь настоящую любовь, я в этом уверена. – Она улыбнулась. – И это может быть в «Адаре»!

Джорджи покачала головой, но она улыбалась.

– Ты начиталась дешевых романов. Ты такой романтик! Настоящей любви не существует. В любом случае я выше почти всех мужчин, которых встречаю, а это для них серьезное оскорбление, Лизи.

Лизи рассмеялась:

– Полагаю, что да, – но только до тех пор, пока ты не встретишь своего мужчину. Он может быть на голову ниже тебя, и, поверь мне, ему будет все равно, какой у тебя рост.

Джорджи откинулась на спинку стула:

– Разве не здорово, если Анна очень-очень хорошо выйдет замуж?

Лизи встретила глазами с сестрой. Она могла прочесть ее мысли.

– Ты имеешь в виду кого-то очень богатого?

Джорджи закусила губу и кивнула:

– Мама будет так рада, и наше финансовое положение улучшится. Я не буду возражать, если мне придется остаться старой девой. А ты?

– Я знаю, что однажды ты найдешь своего возлюбленного! – воскликнула Лизи, искренне веря своим словам. – Я некрасивая и толстая, и у меня просто нет выбора, кроме как остаться незамужней. Да я и не против! – быстро добавила она. – Кому-то придется заботиться о маме с папой, когда они состарятся. – Она снова улыбнулась, но перед глазами возник образ Тайрела

де Уоренна. – У меня нет иллюзий по поводу своей судьбы – так же, как я убеждена по поводу твоей.

– Ты не толстая, – сразу же запротестовала Джорджи. – Просто маленького роста и немного плотная. И ты очень хорошенькая! Ты просто не хочешь думать о моде. В этом мы очень похожи.

Но Лизи думала о Тайреле де Уоренне и его судьбе. Он заслуживал того, чтобы найти настоящую любовь. И однажды он найдет ее. Она хотела, чтобы он был счастлив. Очень хотела.

Ход ее мыслей изменился. Ей сказали, что на прошлый бал Тайрел нарядился арабским шейхом. Интересно, в каком костюме он придет завтра.

– Что ж, я и не надеялась, что мне удастся отделаться от бала, – проговорила Джорджи.

Лизи посмотрела на нее:

– Тебе нравится мой костюм?

Джорджи моргнула. Затем лукаво рассмеялась:

– Знаешь, многие женщины умерли бы за твою фигуру, Лизи.

– Что это значит? – с жаром спросила Лизи, зная, что стройная сестра намекает на ее пышные формы.

– У мамы будет удар, когда она увидит тебя в этом костюме, – весело захихикала Джорджи, а потом взяла ее за руку. – Ты выглядишь в нем чудесно.

Лизи надеялась, что Джорджи говорит правду. Она напонила себе, что Тайрел не посмотрит в ее сторону. Ни разу. Но если это все-таки произойдет, она не хотела выглядеть как корова. Она молилась, чтобы он не посмотрел в ее сторону и не подумал, какое жалкое зрелище она являет собой.

– Может быть, ты скажешь мне, из-за чего краснеешь? – смеясь, поинтересовалась Джорджи.

– Мне жарко, – резко ответила Лизи, поднимаясь. – Я не краснею.

Джорджи подпрыгнула:

– Если ты думаешь, что меня можно одурачить, то ошибаешься! Я знаю, что ты как на иголках, потому что это твой первый бал в «Адаре». – Она улыбнулась.

– Я не влюблена. Уже нет, – настаивала Лизи.

– Конечно нет. Я хочу сказать, ты не смотрела влюбленным взглядом на Тайрела де Уоренна часами напролет на Дне святого Патрика. О нет. Ты не начинаешь внимательно слушать и не краснеешь каждый раз, когда его имя упоминается в разговоре. Ты не смотришь из окна кареты так, словно приклеена к нему, когда мы проезжаем «Адар»! Конечно же эта глупая влюбленность наивной школьницы в прошлом!

Лизи обхватила себя руками, молча признавая правоту слов Джорджи.

Джорджи обняла ее:

– Если считаешь, что больше не любишь Тайрела де Уоренна, подумай снова. Мама с папой могут поверить в то, что твоя детская влюбленность в прошлом, но Анна и я знаем лучше. Мы твои сестры, милая.

Лизи не выдержала:

– Я так нервничаю! – Она сжала руки. – Что мне делать? Я буду выглядеть глупо в этом костюме? Есть ли шанс, что он вообще заметит меня? И если да, то что подумает? – заплакала она.

– Лизи, я понятия не имею, заметит ли он тебя среди сотни гостей, но если заметит, то подумает, что ты самая красивая шестнадцатилетняя дебютантка на балу, – твердо произнесла Джорджи.

Лизи не поверила ей, но Лидия зашла в комнату именно в этот момент. Она посмотрела на сестер:

– Ну что? Сестра немного образумила тебя, Джорджина Мей?

Джорджи встала с раскисающим видом:

– Извини, мама. Конечно же я пойду на бал.

Лидия прослезилась от восторга.

– Я знала, что могу положиться на Лизи!

Она радостно улыбнулась Лизи, затем подошла к Джорджи и обняла ее.

– Ты самая верная и достойная из дочерей, моя дорогая Джорджина! А теперь я хочу обсудить с тобой костюм. Да и Лизи надо подготовиться к поездке в город.

Лизи ахнула, понимая, что прошло уже много времени и сейчас десять. Каждую неделю она посвящала пять или шесть часов сестрам в Сент-Мэри. И не важно, что Фицджеральды уже два поколения подряд не были католиками. Лизи работала с сиротами там, и, так как любила детей, она с нетерпением ждала этого.

– Мне пора! – воскликнула она, выбегая из комнаты.

– Спроси папу, сможет ли он подвезти тебя! – крикнула ей вслед Лидия. – Это сэкономит время!

Лизи была на пути домой. Несколько дней подряд шел дождь, и на улицах было по колено грязи. Ей было все равно, как она выглядит, но дорога домой занимала около пяти миль, и из-за непогоды ей понадобится вдвое больше времени. Семья могла себе позволить только одну лошадь и только одну парную двухколесную карету. Отец отвез ее в город, но не смог забрать домой, так как был нужен с каретой в тот день Анне. Вместо того чтобы поспорить о своей очереди или попросить шиллинг, чтобы нанять карету, Лизи предпочла пойти домой пешком.

Сейчас серое небо прояснялось, и Лизи была уверена, что завтра будет замечательно приятный день – подходящий для костюмированного бала. Она как раз собиралась ступить в грязь, чтобы пересечь улицу, когда почувствовала, что кто-то тянет ее за одежду.

Лизи знала, что это бродяжка, еще до того, как взглянула на старую женщину, грязную, мокрую и дрожащую от холода.

– Мисс? Не найдется пенни? – попросила женщина.

У Лизи оборвалось сердце.

– Вот. – Она опустошила свой кошелек, отдав женщине все монеты и зная, что это очень расстроит маму. – Да благословит вас Господь, – прошептала Лизи.

Женщина изумленно посмотрела на нее.

– Да благословит вас Бог, миледи! – воскликнула она, прижимая монеты к груди. – Да благословит вас Бог, мой милосердный ангел!

Лизи улыбнулась ей.

– Сестры в Сент-Мэри найдут для вас постель, – сказала она. – Почему бы вам не пойти туда?

– Я так и сделаю, – кивнула женщина. – Спасибо, миледи, спасибо!

Надеясь, что женщина так и поступит, а не пойдет в ближайшую гостиницу за выпивкой, Лизи ступила на улицу. В этот момент из-за угла вывернула конная карета. Лизи сначала услышала звук, а потом посмотрела в ту сторону.

Две черные лошади мчали очень красивую карету. Она была открыта, и в ней сидели три джентльмена, а двое других расположились на высоком сиденье кучера и подстегивали лошадей. Все смеялись, кричали и размахивали бутылками с вином. Карета ехала прямо на нее. Лизи застыла, не веря своим глазам.

– Осторожно! – закричала женщина.

Но кучер словно не слышал ее и все подстегивал лошадей.

Лизи в ужасе отпрыгнула на обочину, чтобы уйти с дороги.

– Поворачивай! – внезапно закричал один из джентльменов. – Ормонд, поворачивай!

Но карета стремительно приближалась. В ужасе, Лизи увидела белки лошадиных глаз, их раздутые розовые ноздри. Она приготовилась бежать – но вместо этого упала.

Упала на четвереньки в уличную грязь.

Грязь и камни посыпались ей на спину. Лизи удалось повернуться и увидеть подкованные копыта и железные колеса в опасной близости от нее. Ее сердце замерло от страха, она знала, что сейчас умрет, но все же пыталась отползти от приближающейся кареты. Внезапно ее подхватили сильные руки.

Лизи оттащили на безопасное расстояние на обочину, как раз когда карета проехала мимо.

Лизи не могла пошевелиться. Ее сердце билось так сильно и так быстро, что она думала, будто ее легкие взорвутся. Она закрыла глаза, потрясенная от шока.

Сильные руки все еще держали ее. Лизи заморгала. Она лежала на обочине, щекой упершись в камень, ее лицо было на уровне колен мужчины, так как он присел на корточки рядом с ней. Она осознала происходящее. *Она только что избежала смерти. Этот незнакомец спас ее!*

– Не двигайтесь.

Лизи с трудом слышала того, кто спас ей жизнь. Ей все еще было тяжело дышать, так как сердце продолжало бешено биться. Ей действительно было больно, и казалось, будто ей выкрутили руки.

– Мисс? Вы можете говорить?

К Лизи вернулся рассудок. Нет, этого не может быть! Голос джентльмена был невероятно знаком – тембр глубокий и сильный, и в то же время странно мягкий и успокаивающий. Лизи подслушивала Тайрела де Уоренна на каждом Дне святого Патрика, к тому же слушала его выступление перед горожанами на нескольких политических мероприятиях.

Дрожа от недоверия, она попыталась сесть. Он тут же помог ей, и она взглянула на него.

Голубые глаза, такие темные, что казались черными, встретились с ее взглядом. Ее сердце подскочило от недоверия, а затем бешено забилося от волнения.

Тайрел де Уоренн стоял на коленях перед ней на улице, – он снова спас ей жизнь!

Его глаза были широко раскрыты, и смотрел он мрачно.

– Вы ранены? – спросил он, все еще крепко держа ее.

Лизи потеряла способность говорить, пока смотрела в его глаза. *Как такое могло случиться?* Она мечтала о встрече с ним, но представляла, что будет красивой, как Анна, и это случится на балу, когда на ней будет великолепный костюм, а не на грязной улице, где она сидит словно немая.

– Вы ранены? Вы можете говорить?

Лизи плотно закрыла глаза. Она начала дрожать, но не от страха. *Он обнимал ее за плечи. Она прижималась к нему.*

Она испытала новое чувство, которое теперь пробивалось в ней, теплое, удивительное, недозволенное и постыдное, такое чувство, которому она предавалась, когда была одна ночью в спальне. Его прикосновение пробудило в ней огонь.

Лизи понимала, что должна хоть что-то ответить. Она увидела бриджи из дорогой замши, обтягивающие его ноги, и огонь разгорелся с новой силой. Она осмелилась посмотреть на его шерстяную куртку, такую же темно-голубую, как его глаза. Куртка была расстегнута, открывая темно-серый жилет и белую рубашку под ним. Лизи быстро посмотрела в сторону, а затем на него:

– Д-да. Я могу говорить... Кажется...

Их взгляды встретились. Он был так близко, что она могла видеть каждую черточку его прекрасного лица, которое давно запомнила. Тайрела де Уоренна можно было назвать невероятно красивым мужчиной. Темно-голубые глаза, и ресницы достаточно длинные, чтобы понра-

виться любой девушке. Высокие скулы, прямой нос и подвижный рот, сейчас плотно сжатый от гнева или недовольства. У него была аура короля.

– Вы в шоке. Вы можете стоять? Вы ранены?

Лизи пришлось спуститься с небес на землю. Она сглотнула, не в силах оторвать от него взгляд.

– Я так не думаю. – Она помедлила. – Я не уверена.

Его взгляд сейчас скользнул по ее телу, быстро осматривая ее грудь, бедра и юбки.

– Если бы что-то сломали себе, вы бы знали. – Они снова встретились взглядами. Сейчас его глаза казались еще темнее. – Позвольте мне помочь вам встать.

Лизи не могла пошевелиться. Она чувствовала, как горят ее щеки. Ее почти переехали, но сердце билось так быстро от чувств, которые не должна испытывать ни одна молодая девушка. Внезапно она увидела его в совершенно другом месте, в совершенно другой ситуации – она увидела его белого коня и темную лесную долину, где страстно обнимались двое любовников. Лизи увидела себя в руках Тайрела и глубоко вздохнула.

– Что это? – резко спросил он.

Лизи облизнула губы, пытаясь отогнать призрачный образ.

– Ни-ничего.

Их взгляды снова встретились; он пристально смотрел на нее. Лизи испугалась, что он догадался о ее постыдном влечении и, что самое худшее, о ее смелых мыслях. Он обхватил ее за талию, чтобы поднять, а она готова была разорваться от желания, поглотившего ее. Лизи не знала, что делать. Она больше не могла дышать, даже если и хотела.

*Она чувствовала запах сосны, земли и мускуса, который исходил от него. Его губы нежно касались ее губ, его сильные руки нежно держали ее за талию. Их тела были рядом, бедро к бедру, ее грудь прижималась к его груди.*

– Мисс? – прошептал он. – Думаю, вам следует отпустить меня.

Лизи быстро вернулась к реальности, понимая, что он поднял ее на ноги. Они стояли на обочине – и она крепко к нему прижималась.

– Господи, – выдохнула она в ужасе. Отпрыгнула и краем глаза заметила, что он улыбается.

Щеки вспыхнули с новой силой. Она только что вешалась на Тайрела де Уоренна? Как она могла? В тот момент, когда стояла с ним в лесу, а не на центральной улице города, она точно чувствовала его губы! А сейчас он смеется над ней!

Лизи с трудом вернула самообладание. Она была так расстроена, что не могла ясно сообщать. Он знает, что она безумно любит его? Она отвела взгляд, умирая от смущения.

– Я бы поймал этих хулиганов и ткнул бы каждого лицом в грязь, – вдруг сказал Тайрел. Он достал из кармана кипенно-белый батистовый носовой платок и протянул ей.

– Вы... знаете их?

Он посмотрел на нее:

– Да, я имел несчастье познакомиться с каждым из них. Это лорды Перри и О'Доннел, сэры Рэдмонд, Пол Кэрри и Джек Ормонд. Кучка бездельников из высшего общества.

– Не нужно преследовать их из-за меня, – кое-как выдавила она. Смена темы заставила ее почувствовать себя легче. – Я уверена, все произошло случайно. – Лизи наконец-то поняла, как неопрытна. Грязь была везде: на юбке, корсете, перчатках и лице. Это только усилило ее смятение.

– Вы защищаете их? Они чуть не убили вас!

Она посмотрела на него снизу вверх, подавленная своей неопрытностью, забыв про льняной платок, протянутый ей.

– Конечно, им не следовало ехать по городу так быстро, но все произошло случайно. – Сейчас ей хотелось заплакать. Почему все произошло именно так? Почему он встретил ее сегодня, а не завтра на балу, когда она была бы в своем нарядном костюме деви Мэриан?

– Пока еще рано прощать их, – произнес он. – Я думаю, они должны увидеть, какую ошибку совершили.

Но сначала я хочу, чтобы вы оказались дома. – Он легко улыбнулся ей: – Могу я проводить вас домой?

Его слова поразили ее. Если бы они разговаривали при других обстоятельствах, Лизи подумала бы, что он ухаживает за ней. Она была в смятении. Одна ее часть больше всего на свете хотела продолжить знакомство, а другая – убежать. Оказавшись одна, она сможет представить себе эту встречу так, как хочет. Но сейчас должна мыслить разумно. Если он проводит ее до Рейвен-Холла, мама выйдет и задушит ее в своих объятиях. И вероятно, настоят на том, чтобы Тайрел остался на чашечку чая. И, как истинный джентльмен, он согласится. Это будет неловко и унижительно, особенно если мама начнет намекать на то, что у нее есть три незамужние молодые дочери.

Это была не сказка. Лизи была не на балу, красивая как Анна, дерзко танцуя вальс. Она была грязной, растрепанной толстухой и стояла на улице с мужчиной, который был настолько выше ее по происхождению, что она могла бы быть дояркой, а он – настоящим принцем.

– Прошу прощения, – быстро сказал он, очевидно неправильно истолковав ее молчание. Он поклонился. – Лорд де Уоренн. К вашим услугам, мадемуазель. – Он был очень серьезен, когда говорил.

– Мой господин, я сама найду дорогу домой, спасибо. Спасибо вам за все. Вы такой галантный, такой добрый! – Она знала, что не должна продолжать, так как он поднял брови в удивлении, но не могла остановиться. – Но ваша репутация превосходит вас конечно же! Все знают, как вы благородны. Вы спасли мне жизнь. Я в большом долгу перед вами. Мне бы так хотелось отблагодарить вас, но как? Спасибо вам большое!

Сейчас было видно, что он удивлен.

– Не нужно благодарить меня, мадемуазель. И я провожу вас, – сказал он таким твердым голосом, что стало ясно, что он аристократ высшего порядка и привык к тому, чтобы все немедленно подчинялись ему.

Лизи закусила губу, тайно желая позволить ему проводить себя домой.

– Я иду в Сент-Мэри, – соврала она. – Это как раз вниз по улице.

– Понятно. И все-таки я провожу вас и посмотрю, чтобы вы вошли в здание. Возражения не принимаются.

Лизи медлила, но его взгляд говорил ей, что у нее нет выбора, поэтому она взяла его за руку. Ее охватила новая волна дрожи, заставив забыть о страхах и беспокойствах. Она знала, что должна скромно опустить глаза, но не могла оторвать восторженного взгляда от его лица. Он был так красив – она никогда не видела мужчины красивее и привлекательнее. Она очень хотела ему об этом сказать – и еще о многом другом.

Он говорил очень мягко – почти соблазнительно.

– Ведите.

Она потупила взгляд, когда они не спеша пошли к монастырю.

– Извините. Просто... вы такой крас... такой добрый, – прошептала она, с трудом сдержав свои настоящие чувства.

Казалось, он удивился.

– Доброта имеет мало общего со спасением леди из беды. Любой джентльмен поступил бы точно так же.

– Я так не думаю, – ответила она, осмелившись посмотреть на него. – Не многие джентльмены смогли бы броситься в грязь, рискуя жизнью, чтобы спасти незнакомую женщину на улице.

– Значит, вы не очень высокого мнения о мужчинах? Но я не могу вас винить в этом, особенно после сегодняшнего дня.

Она пришла в глубокое волнение оттого, что разговаривала с ним.

– Мужчины со мной никогда раньше не обращались так хорошо, сэр. – Она помедлила, а потом решила говорить правду: – Честно признаться, многие мужчины даже не замечают меня. Я сомневаюсь, что меня кто-нибудь вообще спас бы, если бы вас не было здесь.

Он очень пристально посмотрел на нее:

– Тогда я сожалею, что с вами так плохо обращались в прошлом. Я не могу этого понять. В самом деле.

Неужели он только что сказал, что никогда бы не смог ее не заметить? Он был почти рыцарь.

– Вы такой галантный, такой добрый и смелый – и красивый, – пылко произнесла она. И, поняв, что сказала, смутилась.

Он тихо рассмеялся.

Лизи почувствовала, как горят ее щеки, и опустила взгляд.

Они медленно подошли к дверям монастыря. Повисло молчание. Лизи хотелось ударить себя за такое ребяческое поведение.

Он нарушил молчание, галантный, как и прежде.

– А вы храбрая женщина. Многие леди попросту растерялись бы, или у них началась бы истерика от такого приключения, – проговорил он, притворяясь, что не слышал ее лести.

– Слезами тут вряд ли поможешь, – сглотнула Лизи. Она бы расплакалась сейчас, подумалось ей. Они застыли у дверей, и она чувствовала, что он смотрит на нее. Она медленно подняла глаза.

– Мы пришли, – тихо сказал он, встретившись с ней взглядом.

– Да, – согласилась Лизи. Внезапно ей очень захотелось продлить эту встречу. Она облизнула губы и выпалила на одном дыхании: – Спасибо большое за галантное спасение, мой господин. И мне очень хочется отблагодарить вас однажды.

Его улыбка исчезла.

– Не стоит благодарности. Это был мой долг – и удовольствие, – очень мягко сказал он.

Огонь в ней разгорелся с новой силой. Они стояли лицом к лицу, всего лишь в нескольких дюймах друг от друга. Деревянные здания по обеим сторонам улицы исчезли. Лизи закрыла глаза. Его руки обхватили ее, когда он крепко прижал ее к себе. Она ждала, чуть дыша, когда он наклонился поцеловать ее в губы.

Над ее головой раздался звук колокола в часовне, сообщающего о наступлении дня. Его вибрирующий звук вернул Лизи в реальность. Она поняла, что стоит на дороге с Тайрелом, как раз в подходящем месте, и он опять смотрел на нее так пристально, словно знал ее тайные мысли.

Она молилась, чтобы он ни о чем не догадался.

– Я должна идти! Спасибо! – сказала она, повернувшись и бросилась в открытую дверь.

– Пойдите. Минуточку... – начал он.

Но Лизи уже была в безопасности монастыря, почти не сожалея о встрече.

## Глава 2

### Маскарад

Анна уже оделась к балу, когда Лизи вошла в их общую спальню. Лизи была невероятно взвинчена. Она еще не отошла от вчерашней встречи с Тайрелом де Уоренном и с трудом могла поверить в то, что случилось. Сотни раз вспоминая тот вечер, она пришла к выводу, что вела себя как глупый влюбленный ребенок и он понял, как она влюблена. Она была не уверена, что осмелится пойти на бал. Однако не могла огорчить маму.

Лизи, вернувшись вчера домой, разыграла головную боль и, не сказав никому о встрече, пошла в свою комнату. Она застыла у двери, собираясь спросить совета у Анны. Но Анна выглядела так ошеломляюще красиво, что она тут же забыла все свои тревоги.

Анна стояла перед зеркалом, критично оглядывая себя со всех сторон, одетая в красное бархатное платье с глубоким вырезом в стиле Елизаветы, белым гофрированным воротником и гранатовой подвеской на шее. Никогда еще она не выглядела так мило. Было тяжело иметь такую красивую сестру, пока вырастешь. Даже когда она была ребенком, Анне все постоянно делали комплименты, а Лизи игнорировали или просто гладили по голове. Мама конечно же очень гордилась тем, что у нее такая красивая дочь, и хвалила Анну всем, кто слушал. Лизи не завидовала – она любила сестру и гордилась ею, но всегда чувствовала себя некрасивой и никому не нужной.

Было так же трудно быть сестрой Анны, когда ты молодая женщина, потому что, если они гуляли в городе, все было точно так же. Британские солдаты бегали за Анной, пытаясь узнать ее имя, но Лизи всегда оставалась невидимкой – пока один из мужчин не решил попросить ее о помощи завоевать внимание Анны. Лизи играла роль свахи для сестры столько раз, что сбилась со счета.

Ирония заключалась в том, что Лизи была похожа на свою старшую сестру, но каждая прекрасная черта Анны почему-то смотрелась очень посредственно на лице Лизи. Волосы Анны были медово-белыми и волнистыми от природы, в отличие от длинных медных локонов Лизи; ее глаза были пронзительно-голубые, глаза Лизи – скучно-серые; скулы Анны были выше, но более прямые и классические, а губы – полнее. И у нее была безупречная стройная фигура. Анна заставляла джентльменов оборачиваться и смотреть ей вслед. На Лизи никто так никогда не смотрел. Зато у нее, казалось, потрясающая способность растворяться в толпе.

Сейчас, с белым кольцом перьев, обрамляющих ее лицо, с невозможно тонкой талией, Анна была потрясающая. Она примеряла корсет, когда вошла Лизи.

Некоторые женщины ее возраста обвиняли Анну в самодовольстве. Лизи знала, что это неправда, но Анна могла производить такое впечатление, особенно когда другие завидовали тому, что все внимание достается ей. Кто-то из маминых друзей грубо отзывался о ней, называя ее распушенной. Но они тоже завидовали, потому что Анна могла заполучить любого поклонника, какого только пожелает, а их дочери не могли. Все потому, что она была такой беззаботной и веселой, а не распушенной или неправильной.

Сейчас Анна хмурилась, недовольная какой-то деталью костюма. Лизи не могла понять, какой недостаток она нашла.

– Он безупречен, Анна, – сказала она.

– Ты действительно так думаешь? – повернулась Анна, и внезапно ее интерес к костюму пропал. – Лизи? Ты еще не уложила волосы! О, мы так опоздаем! – в отчаянии воскликнула она. Затем запнулась. – Ты чем-то расстроена?

Лизи закусила губу и попыталась улыбнуться. Когда она появится на балу, Тайрел заметит ее. В конце концов, теперь они знакомы. Он будет смеяться? Что он подумал о ней?

– Я в порядке. – Она глубоко вздохнула, дрожа. – Этот костюм безупречен, и ты в нем прекрасна, Анна. Может быть, сегодня желание мамы исполнится и ты встретишь своего суженого. – Но, несмотря на то что она хотела, чтобы ее сестра вышла замуж по любви, а не ради денег и положения в обществе, Лизи не могла об этом не думать сейчас.

Анна снова повернулась к зеркалу:

– Этот цвет делает меня желтоватой? Я думаю, он слишком темный!

– Вовсе нет, – ответила Лизи. – Ты еще никогда не была такой привлекательной.

Анна снова посмотрела на себя в зеркало. На этот раз пристальнее.

– Я очень надеюсь, что ты права. – Затем снова повернулась к сестре: – Лизи? Ты очень бледная.

Лизи тяжело вздохнула:

– Не знаю, смогу ли пойти на бал. Я не очень хорошо себя чувствую.

Анна с недоверием посмотрела на нее:

– Не пойдешь? Пропустишь свой первый бал? Лизи! Я пошла за Джорджи. – Пораженная, она выбежала из комнаты.

Анна была всего на полтора года старше Лизи, и сестры были очень близки, но не только из-за возраста. Лизи восхищалась сестрой, потому что та была всем, чем не являлась Лизи. Она не могла представить себе, что значит быть такой красивой и так сильно всеми любимой. И из трех сестер Анна была единственной, кто целовался с мужчинами, и не один раз, а несколько. Они много раз до поздней ночи обсуждали смелые и шокирующие приключения ее сестры; Анна – с восторгом, Джорджи – с долей неодобрения, а Лизи – размышляя, поцелуют ли ее когда-нибудь, хоть раз, до того как она станет старой девой.

Лизи посмотрела на изумрудно-зеленое платье на кровати – свой костюм. Это было красивое, но простое платье с длинными широкими рукавами и скромным квадратным вырезом. Но на ее фигуре оно смотрелось очень провокационно. Лизи села перед ним, достала из корсета выстиранный льняной носовой платок и уставилась на инициалы на нем: Т. Д. У. Схватив платок, она закрыла глаза. Как бы ей хотелось исправить их встречу. Но никакая сила желания ничего не изменит, грустно подумала она. У нее был единственный шанс поразить Тайрела де Уоренна, и ей совсем не требовалось опыта, чтобы понять, что ничего у нее не получится.

Анна вернулась в спальню с Джорджи. Одетая как женщина норманнских времен, Джорджи была в длинной лиловой тунике с золотым поясом, а ее волосы были заплетены в косу. Она посмотрела на Лизи прямым испытующим взглядом:

– Анна говорит, ты странно себя ведешь. И вообще, ты ведешь себя странно со вчерашнего дня, с тех пор как вернулась из Сент-Мэри. В чем дело? Я не верю, что ты больна!

Лизи опустила платок в корсет.

– Он спас меня вчера на улице в Сент-Мэри, – прошептала она.

– Кто тебя спас? – спросила Джорджи. – И от чего?

Анна села рядом, когда Лизи заговорила.

– Меня чуть не переехала карета. Тайрел де Уоренн спас меня, – ответила она.

Обе сестры широко раскрыли глаза.

– И ты говоришь нам об этом только сейчас! – воскликнула Джорджи.

– Тайрел де Уоренн спас тебя? – Анна была поражена.

Лизи кивнула:

– Он спас меня – он такой добрый! Он поклялся, что найдет тех негодяев и накажет их. Он хотел проводить меня домой. – Лизи посмотрела на своих недоверчивых сестер. – Я вела себя как ребенок. Сказала ему, что он добрый, смелый и красивый!

Джорджи была потрясена, а Анна выглядела недоверчивой. Наконец Джорджи осторожно сказала:

– А что, собственно, не так? Разве ты не ждала с ним встречи все это время?

– Ты слышала, что я сказала? – заплакала Лизи. – Он, должно быть, знает, что я к нему чувствую!

– Что ж, тебе следовало быть более осторожной, – рассудительно согласилась Джорджи. Анна со смехом встала:

– Мужчины любят, когда им говорят, что они сильные, храбрые и красивые. Не могу поверить, что он спас тебя. Лизи, ты должна рассказать нам все!

– Можешь сказать джентльмену, что небо падает ему на голову, и он будет клясться, что ты права, – не согласилась Лизи. – Можно сказать мужчине, что его оспинки милые, и я уверена, он опустится перед тобой на колени! Уверена, я не льстила Тайрелу де Уоренну намеренно. Я даже видела, как он стал смеяться надо мной. Я вела себя как ребенок.

– Он смеялся над тобой? – спросила Анна. И затем добавила: – Он должен был понять, что тебе всего шестнадцать!

На помощь пришла Джорджи. Она села с другой стороны Лизи и обняла ее.

– Уверена, что ты все преувеличиваешь, Лизи. Я уверена, что он ничего не имеет против твоих комплиментов. Как сказала Анна, мужчины любят, когда ими восхищаются. Сама подумай! Он спас тебя – это же тема романов, которые ты читаешь!

Лизи застонала.

– Я еще не рассказала вам самую худшую часть! Я была вся в грязи, Джорджи. Грязь была на одежде и на моих волосах. – Она не добавила еще более худшую часть – о том, что она представляла себя в его руках и подозревала, что он догадался об этом. – Он – джентльмен и хорошо исполнял свою роль, но я не думаю, что он слишком высокого мнения обо мне после случившегося.

– Ни один джентльмен не укорит женщину в ее внешности при таких обстоятельствах, Лизи, – спокойно произнесла Джорджи.

Лизи посмотрела на нее:

– Я была глупой, как мама, – болтала ерунду. Может, я глупая женщина – ведь я ее дочь.

– Лиз! Ты совсем не похожа на маму, – проговорила Джорджи.

Лизи протерла глаза.

– Мне жаль, что я такая дурочка. Но он такой смелый. Он спас мне жизнь. Что мне делать, когда я увижу его сегодня? Если бы мне только хватило храбрости сказать маме, что никуда не иду. Но я просто не могу подвести ее.

– Ты все нам рассказываешь? – спросила Анна.

– Конечно же все! – Лизи обхватила себя руками. Она ни за что не признается сестрам, какие постыдные ее посетили мысли.

– Он поцеловал тебя? – Анна, очевидно, почувствовала, что не все было высказано.

Лизи недоверчиво на нее посмотрела:

– Он джентльмен!

Анна пристально на нее взглянула.

– Не понимаю, почему ты так подавлена, – наконец сказала она.

Джорджи заговорила отрывистым тоном:

– Лизи, я понимаю, почему для тебя это оказалось так тяжело, но, как говорится, сделанного не вернешь. Ты не можешь взять свои слова обратно. Уверена, он даже не думает о них.

– Надеюсь, ты права, – пробормотала Лизи.

Анна встала:

– Мы должны помочь Лизи с волосами. Джорджи, этот костюм слишком темный для моей кожи?

– Он безупречен, – отозвалась Джорджи. – Лизи, каким бы захватывающим ни было спасение, он – де Уоренн, а ты всего лишь Фицджеральд, – мягко сказала она.

Анна положила руки на бедра.

– И тебе всего шестнадцать, – добавила она, улыбаясь. – Мы вовсе не хотим показаться злыми, Лизи, но если такой мужчина и думает сейчас о ком-то, так это о какой-нибудь красивой куртизанке, за которой ухаживает. – Анна встала. – Мы все опоздаем!

Лизи застыла. Слова Анны были как брызги ледяной воды. И внезапно она поняла, что напрасно так беспокоится. Ее сестры правы. Он – де Уоренн, а она – обедневшая ирландская леди, к тому же ей шестнадцать, а ему двадцать четыре. Несомненно, он забыл об их встрече, как только покинул Сент-Мэри. Если он увидит ее снова, то вряд ли вообще узнает. Он волочится за какой-нибудь невероятно красивой знатной дамой или известной соблазнительной куртизанкой.

Странно, но она почувствовала себя еще более подавленной, чем обычно.

– Ты в порядке? – спросила Джорджи, видя ее огорчение.

– Конечно, – ответила Лизи, опустив взгляд. – Я дважды дура, если надеюсь, что он хоть на минуту подумает обо мне. – Эта мысль причинила ей очень большую боль, но она собралась с духом и встала, улыгнувшись. – Извините. Из-за моей истерики вам пришлось ждать меня, и теперь мы опоздаем.

– Не извиняйся. – Джорджи тоже встала. – Ты уже давно любишь его. Разумеется, такая встреча расстроила тебя. Как бы там ни было, мы поможем тебе одеться и вряд ли опоздаем.

Анна подошла к комоду.

– Я завью тебе волосы, – сказала она. – У меня это получается лучше всего. Я лишь нагрею щипцы.

Лизи выдавила еще одну улыбку, повернувшись к Джорджи, чтобы та помогла ей переодеться. Ей было нехорошо. Она была в водовороте эмоций; сначала чувства били через край, потом постепенно успокаивались. Но лучше так, не правда ли? Хорошо, что он никогда не вспомнит о ней. Хорошо, что он останется ее возлюбленным в ее тайных фантазиях.

А затем она не выдержала. Повернувшись, схватила Анну за руки, понимая, что, должно быть, сошла с ума.

– Сделай меня красивой! – воскликнула она.

Анна с удивлением посмотрела на нее.

– Сделай что-нибудь особенное с моими волосами – я хочу накраситься румянами и тушью!

– Я могу попытаться, – нерешительно сказала Анна, посмотрев на удивленную Джорджи. – Лизи, что ты задумала?

Лизи сглотнула и заговорила:

– Я думаю, что сегодня у меня будет второй шанс, и я должна завоевать его восхищение, хотя бы на одну ночь.

Пока они поднимались по широким белоснежным ступеням в передней части дома, размером подобного самым большим домам на юге Ирландии, Лидия болтала без умолку. Одета как георгианская леди несколько десятилетий назад, она воскликнула:

– Мне никогда еще не было так приятно! Лизи, ты сегодня так красиво одета... Встань рядом со своими сестрами. Ты дала мне надежду! Я бы не удивилась, если бы ты нашла себе мужа сегодня ночью!

Они прошли за остальными гостями внутрь. Лизи не ответила, потому что не могла улыбаться. Она почти не дышала и была буквально ослеплена; она не знала, как это могло случиться. Бархатное платье выглядело слишком изысканно, чтобы быть на ней, – и слишком чувственно. Ее сестры настояли на том, чтобы она подошла к зеркалу, когда они помогли ей надеть платье. Темно-зеленый бархат оттенял ее светлую кожу, цвет волос и глаз, которые сегодня были особенно выразительные. Помада выгодно подчеркивала ее полные губы. Сестры заявили, что ей больше не нужно цвета, поскольку она и так горела от волнения. Даже ее фигура

улучшилась каким-то образом. Корсет был ниже, чем ожидала Лизи, притягивая взгляд к ее обнаженному декольте, длинной шее и лицу. Анна потратила почти час на завивку ее волос. Лизи думала, что просто заколет их, но вместо этого распустила, и они были до талии. Пышные волны обрамляли ее лицо, делая акцент на скулах. Лизи была поражена, когда осознала, что впервые в жизни она выглядит хорошенькой. И, что важнее, она чувствовала себя привлекательной, словно стала прекрасной леди Робин Гуда.

Папа сжал ее руку.

– Моя маленькая девочка превратилась в красивую женщину, – с гордостью сказал он. Но его глаза были красны и полны слез.

Лизи решила не спорить с ним, по крайней мере не сегодня вечером, когда они поднимались по ступенькам «Адара».

– Мама, я думаю, тот факт, что Лизи сегодня одета по последней моде, – всего лишь один шаг в правильном направлении, – сказала Джорджи. – Но ей всего шестнадцать. Не возлагай слишком много надежд на ее первый выход в свет.

Лизи молча согласилась с ней.

Но в волнении Лидия продолжила:

– Я говорила, что все сыновья графа в резиденции, включая одного из его пасынков, младшего, Шона О'Нила? Хотя я понятия не имею, где может быть его старший брат, капитан О'Нил. – Лидия лукаво улыбнулась. – Лизи, он молодой, не намного старше тебя.

– Думаю, ты уже несколько раз говорила это, – отозвался отец. – Послушай, Джорджи права. Оставь Лизи в покое, пока не довела ее до удара. – Отец был настроен решительно, его рука крепко сжимала руку жены. Затем он улыбнулся ей, когда они вошли в огромный центральный холл с каменным полом и высоким потолком. Эта часть особняка, как было известно Лизи, существовала много веков назад, и полы остались неизменными с того времени. – Я говорил тебе, как ты сегодня красива? – спросил он тише.

Лидия улыбнулась:

– А вы, сэр, – завидный сопровождающий. Должна признать, что ты мне очень нравишься в парике. – Отец был также одет в стиле георгианского периода, во фрак, чулки и длинный кудрявый парик.

Лизи поняла, что остановилась у двери. Ее семья сейчас проходила через прихожую в направлении гостиной, которая была такой же огромной, как весь их дом. Она коснулась белой маски, закрывавшей ее глаза, но оставляющей открытой нижнюю часть лица. Ее мутило от волнения.

Лизи увидела, что Анна вошла в гостиную с такой грацией, что казалось, плывет по воздуху. Конечно же двое британских военных тут же посмотрели в ее сторону и через мгновение оказались рядом с ней, Лизи знала, что Анна краснеет и с притворной застенчивостью называет свое имя.

Джорджи оглянулась на нее. Она держала у глаз маску, но сейчас отодвинула ее, подняв брови.

– Идем, Лизи. – Затем она улыбнулась и добавила: – Обещаю, ты будешь в порядке.

Лизи не решалась, внезапно почувствовав слабость. Она словно всю жизнь ждала этой ночи, но, может, и правда была глупой? Тайрела всегда преследовали красивые женщины, наследницы графского титула, как и он сам. Как предположила Анна, он наверняка ухаживает за какой-нибудь леди. С чего она вообще взяла, что он заметит ее?

Два джентльмена прошли мимо, один – одетый мушкетером, второй – в пестрый костюм итальянца. Они взглянули на нее и Джорджи и присоединились к группе вокруг Анны. Напряжение Лизи росло, ей становилось невыносимо. Зачем она это делает? Ведь она отчаянно и безнадежно собиралась бороться за внимание Тайрела! Она хотела взглянуть на него, но его не было видно в главном холле.

– Лизи, – предостерегла Джорджи, – даже не думай уходить!

Сестра словно прочла ее мысли, так как она действительно собиралась это сделать. Но отчаяние победило. Она хотела, чтобы Тайрел де Уоренн увидел ее, мечтала о возможности изменить их предыдущую встречу. Она молилась о храбрости, пока ее колени странно дрожали.

Джорджи довольно решительно взяла Лизи за руку и повела за собой. Она быстро прошла через холл со своей сестрой, мимо группы влюбленных поклонников Анны. Мужчина в костюме итальянца, кажется, обернулся, когда она проходила. В гостиной огромные колонны подпирали высокие потолки, с которых свисали многочисленные великолепные люстры. Пол был с прослойками мрамора, и сотни гостей смешивались, когда входили в бальный зал.

Лидия подошла к ней и Джорджи:

– Тот джентльмен в костюме итальянца пытался заговорить с тобой, а ты просто прошла мимо, Лизи!

Лизи заморгала. Неужели так и было?

Джорджи сжала ее руку:

– Смотри, Анна уже окружена красавцами. Не правда ли, здорово, мама?

Лидия повернулась и внезапно сняла маску, широко раскрыв глаза.

– О! Это же Клифф де Уоренн!

Лизи обернулась. Четверо мужчин, включая двух офицеров, окружили Анну, и все пытались говорить с ней одновременно. И в стороне от их группы стоял мужчина – без костюма, – выглядевший наполовину скучающим, наполовину веселым – нелегко было определить. У него были темные волосы и яркие голубые глаза. Было видно, что он самый младший из де Уореннов. Ходили слухи, что он отъявленный мерзавец, но Лизи не хотела формировать свое мнение, основываясь только на слухах. Он был еще и авантюристом – Лизи знала, что он побывал в Западной Индии в прошлом году. Как и все де Уоренны, он был невероятно красив. Сейчас он повернулся спиной к группе и медленно пошел прочь.

– Никогда не видела такого непростительного поведения! – в гневе воскликнула Лидия.

– Мама, Клифф де Уоренн не для нашей Анны, – тихо сказала Лизи, обводя взглядом комнату.

Мама посмотрела на нее с еще большим гневом:

– И почему же, юная мисс?

Лизи вздохнула.

– Мы не их круга, – мягко напомнила она.

– Он самый младший. Не думаю, что он женится на ком-то из высшего общества!

– Он – де Уоренн. Он унаследует состояние и, думаю, женится по своему выбору.

Лидия запыхтела от раздражения.

– Я слышал, что он бездельник, и не хочу, чтобы Анна общалась с таким мужчиной, – заявил отец.

– Если он подойдет – а я знаю, что так и будет, видела, как он смотрел на Анну, – больше чем уверена, что тебе придется по вкусу такое общество, – сказала Лидия.

Джорджи и Лизи обменялись взглядами и отошли от родителей, которые спорили друг с другом.

– Он красивый, – с улыбкой признала Лизи.

– Но не для нас, – согласилась Джорджи, также улыбаясь. Затем ее улыбка исчезла. – Иногда я беспокоюсь за маму, Лизи. Она в таком напряжении оттого, что у нее три взрослые незамужние дочери и нет никаких капиталов. Если бы только Анна вышла замуж, я думаю, на нас оказывали бы меньшее давление.

– Мама, вероятно, страдала бы от скуки, если бы ей не нужно было выводить нас в свет, – серьезно сказала Лизи. – Что бы она тогда делала?

Джорджи нахмурилась:

– Как-то раз я застала ее в столовой, сидящей на стуле и обмахивающей себя, словно ей трудно дышать.

Лизи резко остановилась:

– Думаешь, она больна?

– Она сказала, что это просто небольшое головокружение. Но я беспокоюсь. Ей нужно больше отдыхать.

Лизи была встревожена.

– Мы заставим ее отдыхать, – решила она.

Джорджи внезапно схватила ее за руку и поддразнила:

– Это ведь Шон О'Нил, пасынок графа, с которым мама хочет, чтобы ты познакомилась!

Лизи проследила за ее взглядом и сразу же узнала высокого темноволосого мужчину. Он очень серьезно разговаривал с другим джентльменом. На нем был костюм рыцаря.

– Я не собираюсь подходить к нему и представляться!

– А почему нет? Он как раз то, что надо, я думаю. К тому же он нам подходит, так как у него нет титула.

Лизи нахмурилась, не понимая, почему Джорджи ее провоцирует.

– Интересно, где Тайрел. – Она во второй раз обвела взглядом толпу, в полной уверенности, что его там нет. Даже его имя заставляло дико биться ее сердце от волнения и беспокойства. – Пойдем в бальный зал, – сказала она.

Но Джорджи внезапно потянула ее руку, заставляя остановиться.

– Я также беспокоюсь и за тебя.

Лизи замерла.

– Джорджи... – начала она.

– Нет. Забавно так разрядиться сегодня ночью в надежде впечатлить его после того, что произошло в городе, но вся правда в том, что эта влюбленность зашла слишком далеко. Как ты дашь шанс другому мужчине, если все еще чувствуешь что-то к Тайрелу?

Лизи сложила руки на груди, защищаясь:

– Я ничего не говорю. Просто не могу побороть свои чувства. Кроме того, я же говорила, что мне предназначено быть старой девой.

– Сомневаюсь! Разве такое возможно? Ты любишь его так сильно, что думаешь, будто не найдешь мужества быть с реальным кавалером?

Лизи ахнула.

– Нет, – сказала она. – Я действительно люблю его, Джорджи. Всегда любила и всегда буду любить. Я не хочу искать кого-то еще.

– Но он не для тебя.

– Поэтому я состарюсь одна и буду заботиться о папе с мамой. Пойдем в бальный зал, – сказала она, не желая больше обсуждать эту тему.

Но Джорджи была настроена решительно.

– Я боюсь, что ты спрячешься за любовью к нему, как прячешься в своих любовных романах. Лизи, здесь реальный мир, и я хочу, чтобы ты была его частью.

– Я и так его часть, – ответила Лизи, вздрогнув. – Так же как и ты.

– Я не читаю дюжину любовных романов каждый месяц. Я не говорю, что люблю человека, с которым никогда не смогу быть вместе.

– Нет, ты погружаешься в политические эссе и статьи! Это ведь ты больше всех не хотела идти на этот бал, – с укоризной сказала Лизи.

– Я отказывалась только потому, что знала, что здесь нет никого для меня! – выкрикнула Джорджи, красная, как Лизи. – Я знаю, что однажды мне придется принять предложение одного из мужчин, которого мне порекомендует мама, так как у меня не будет средств под-

держивать свое существование самостоятельно. Иногда я притворяюсь, что это не так, но мы обе знаем, что я права. И однажды тебе тоже придется выйти замуж, и это будет не Тайрел де Уоренн.

– Не могу поверить, что ты так говоришь! – воскликнула Лизи.

Джорджи успокоилась.

– Если мама больна из-за заботы о нас, я приму предложение мистера Гарольда. Кажется, он больше всех заинтересован во мне, и я не думаю, что его требования будут слишком жесткими.

Лизи почувствовала, что бледнеет.

– Но он старый... он толстый... он лысый... он продает вино!

– А я не надеюсь на красавца вроде Клиффа де Уоренна, – ответила она с грустной улыбкой.

– О, пожалуйста, даже не думай о замужестве с этой... этой жабой! – Лизи хотелось расплакаться. – Давай попробуем найти тебе лучшую партию – прямо сейчас! Здесь так много красивых молодых мужчин.

Джорджи огляделась:

– И никто не посмотрит на меня дважды сегодня.

– Ты ошибаешься, – вспыхнула Лизи. – Ты сегодня очень элегантна.

Джорджи пожалала плечами. Бальный зал прилегал к гостиной, и в него можно было войти через многочисленные двойные двери. Он был переполнен, и они столкнулись с итальянцем и его другом. Мужчины поклонились.

– Миледи, – произнес итальянец, и Лизи подумала, что он обращается к Джорджи, – не окажете ли мне честь, присоединившись ко мне в этом танце?

Лизи поняла, что он говорит с ней, когда Джорджи локтем пихнула ее под ребра. Внезапно огорченная, Лизи поняла, что не хочет танцевать, особенно с итальянцем, который так беззастенчиво смотрел на ее декольте.

– Мне жаль, но этот танец уже занят, – вежливо проговорила она.

Он понял и с чрезмерными извинениями отошел.

– Лизи! – Джорджи, казалось, была рассержена.

– Я не танцую, – упрямо сказала Лизи.

– Ты не застенчивая, – гневно сказала Джорджи. – Ты просто невозможно глупая! – И она отошла от нее.

Лизи осталась одна. Внезапно она пожалела, что отказала кавалеру, но только из-за реакции сестры. Вздохнув, она повернулась посмотреть на танцующие пары. Убедившись, что Тайрела де Уоренна среди них нет, она принялась оглядывать другие группы людей. Если его не было в бальной комнате, то, должно быть, он в саду, так как ночь была великолепна.

Она почувствовала чей-то взгляд.

Лизи замерла, словно ее подстрелили.

Недалеко от нее стоял Тайрел де Уоренн, в костюме пирата, одетый в высокие сапоги, облегающие черные бриджи, черную рубашку, с черной глазной повязкой и париком на голове, с несколькими тонкими косичками с бусинами. Его рука лежала на бедре, где у него был настоящий меч, и, кажется, он смотрел прямо на нее.

Лизи почти потеряла способность дышать. Он мог бы смотреть на нее так пристально, словно лев, собирающийся наброситься на свою добычу. Она обернулась посмотреть, что за прекрасная леди стоит за ней. Никого не было.

Почти не веря, она посмотрела на него. Господи, он шел к ней!

Лизи запаниковала. О чем она думала? Он был наследником графского титула, богатый, а она бедная и на восемь лет младше. Она не могла понять, чего он хотел. У нее буквально выпрыгивало из груди сердце – и она знала, что снова поступит глупо.

Лизи развернулась и выбежала из бального зала, внезапно напуганная. Она не была ни соблазнительницей, ни куртизанкой. Она была Элизабет Энн Фицджеральд, шестнадцатилетней девочкой, любящей помечтать, и было глупо пытаться соблазнить Тайрела де Уоренна. Она оказалась в игровой комнате, где было полно джентльменов и леди, сидящих за столами и играющих в карты и кости. Здесь она остановилась у стены, переводя дыхание и не зная, что ей делать. Неужели он и правда шел к ней? И если да, то почему?

И внезапно он вошел в комнату.

Его появление было подобно рассвету в серый дождливый день. Он пристально посмотрел на нее. Он остановился перед ней. Лизи стояла спиной к стене, потрясенная.

Она могла только смотреть на него, ее сердце билось с невероятной силой.

– Неужели вы думали убежать от меня? – проговорил он и улыбнулся.

Она невероятно напряглась. Она не могла пошевелиться, но начала дышать не как обычно, а прерывисто и быстро. Она попыталась покачать головой, но ей не удалось. *Что ему могло быть нужно? Он перепутал ее с кем-то еще?*

Он был очень близко – так же близко, нет, ближе, – чем однажды в Лимерике. Она знала, что должна что-то ответить. Но как это сделать? Она никогда не видела его одетым таким образом. Его высокие ботинки приковали ее взгляд как магнит, и от ботинок глаза поднялись выше. Его мужское достоинство было слишком заметно. Она подняла взгляд к его не до конца застегнутой рубашке и увидела золотой с рубинами крест на темных волосах груди. Влага собралась у нее во рту и не только. Ее тело заныло от боли, от того желания, которое она пыталась игнорировать днем и ночью.

– Не нужно убегать от меня, – сказал он невероятно мягким голосом. – Не все пираты одинаковые.

Он флиртовал с ней? Господи, это же ее второй шанс! Она была уверена, что не может говорить – не может даже восстановить нормальное дыхание, – но она должна ответить! Должна сделать какой-нибудь остроумный комментарий о пиратах.

– Я верю, что у всех пиратов репутация забияк и убийц, мой господин, – прошептала она. – Поэтому конечно же я должна думать о побеге.

Он улыбнулся, отвесив вежливый поклон, чего бы не сделал ни один пират. Косички, украшенные кораллами и золотом, покачивались у его лица и чувственных губ, от которых она не могла оторвать взгляд. Внезапно он выпрямился, пристально посмотрев на нее:

– А если я поклянусь, что я не такой, как остальные пираты? Если я поклянусь, что не собираюсь причинять вреда?

Она быстро сглотнула.

– Тогда мне следует еще раз подумать о моем отношении, мой господин, – наконец ответила она.

На его щеке появилась ямочка.

– Приятно это слышать, – заявил он. – Я полагаю, мы знакомы, не так ли, миледи?

На минуту она засмотрелась на него, очарованная его привлекательностью.

– Миледи, мы встречались? – настаивал он.

Она не хотела признаваться, что была тем самым грязным ребенком на главной улице, которого он спас.

– Только если вы заодно с моим господином Робин Гудом, сэр.

Он с улыбкой рассматривал ее.

– Правда в том, что я довольно хорошо знаком с Шервудским лесом, миледи, хотя еще не встречал там преступника, о котором вы говорите.

И она поняла, что улыбается в ответ.

– Может быть, выдастся случай, когда я смогу познакомить вас, если вам действительно этого хочется. – Лизи поняла, что сама флиртует с ним.

Его глаз шокирующе заблестел.

– Есть только одно знакомство, которого я хочу, – очень отчетливо произнес он.

На Лизи еще никогда так не смотрел ни один мужчина. Можно было понять без ошибки, что он хочет этим сказать.

– Дева Мэриан, – хрипло прошептала она. – Просто дева Мэриан.

Он помедлил, и она поняла, что он хотел узнать ее настоящее имя, но затем он поклонился, на этот раз быстро.

– А я Блэк Джек Броуди, к вашим услугам.

*Они стояли на палубе его корабля, обдуваемого ветром и о который билось море. Его косички были у его подбородка, он наклонился к ней, обняв ее за талию. Лизи закрыла глаза и ждала поцелуя...*

– Миледи? Уверен, вы захотите командовать... мною.

Он резко вмешался в ее фантазию и вытащил ее в реальность, где она стояла лицом к лицу с принцем своей мечты. Он смотрел на нее, словно точно знал, о чем она думает и чего она хочет.

– Я не уверена, что вы будете выполнять все мои приказы, – дрожа, прошептала она.

Выражение его лица казалось опасным.

– Ах, но вы никогда не узнаете, пока не спросите меня.

Он имел в виду то, о чем она подумала? Или так действительно флиртуют все мужчины и женщины – развязно и не задумываясь о буквальной интерпретации?

Он оперся рукой о стену, словно загоняя ее в ловушку, и наклонился слишком близко:

– Итак, командуйте, миледи, как желает ваше сердце, и мы увидим, говорит ли правду этот пират.

Лизи чуть не попросила его поцеловать ее. Она бы умерла за его поцелуй.

Он медленно и чувственно улыбнулся.

– Что-то не так? – мягко прошептал он.

Лизи сглотнула.

– Не знаете, с чего начать? – Ямочка заблестела, как и непокрытый глаз.

Они были не в Шервудском лесу, подумалось Лизи. Они в комнате, где полно народу, и она не смела сделать то, от чего сдерживала себя. Или смела?

– Возможно, миледи нужна помощь, – выдохнул он. – Возможно, совет пирата подойдет.

И Лизи показалось, что он еще более приблизился, так как их губы почти касались друг друга. Ее тело трепетало и дрожало, ей показалось, что она одурманена, ее веки стали тяжелыми, и глаза начали закрываться. Его рот касался ее скулы. Ее возбуждение усилилось. Когда он говорил, его губы мягко касались ее кожи, твердые бедра прижимались к ее мягкому телу.

– Полночь. Западный сад. Там каждое ваше желание будет для меня командой, – произнес он мягким гортанным и низким голосом.

И на мгновение его губы задержались на ее щеке. Хуже того, она почувствовала его твердую грудь на своей, а затем он ушел.

Лизи дрожала. Наконец она осмелилась открыть глаза. Лизи боялась, что все в комнате будут смотреть на нее, все заметят огонь, горящий в ее теле. Она по-прежнему стояла у стены, пытаясь вернуть самообладание, пытаясь подавить свое неистовое желание.

Что сейчас произошло?

Она отдышалась и выпрямила спину. Тайрел де Уоренн только что попросил ее о встрече с ним в саду в полночь?

Это была шутка? Или он думал соблазнить ее на этом свидании?

Лизи не знала.

Она медленно вышла из игровой комнаты, чувствуя себя так, словно выпила слишком много вина. Он попросил ее о встрече в саду, и его губы коснулись ее кожи. *Смеет ли она пойти?*

Лизи была уверена: Тайрел понял, что она – та самая женщина, которую он спас вчера в Лимерике, но он не был огорчен или рассержен. Лизи не знала, что делать.

Она хотела встретиться с ним, но боялась. Если она пойдет, что случится? Он поцелует ее? Этой мысли было достаточно, чтобы она добежала до сада, не важно, что было всего десять часов. Но даже сама мысль о таком поцелуе и таком свидании была неправильной. Разумеется, он не собирался ухаживать за ней или делать ей предложение. Он просто хотел поцелуев. Она не беспокоилась о других последствиях – Тайрел де Уоренн был не таким мужчиной.

Лизи прикоснулась к маске. Если она снимет ее, то он увидит ее лицо и разочаруется. Она была почти уверена в этом. Да, она в красивом костюме, но это не меняло правду. Она была простой, как корка хлеба, и, как только он снимет ее маску, узнает об этом – и если он не разглядит этого под покровом ночи, то увидит в другой раз в свете дня.

Но сегодняшняя ночь была волшебной. Сегодня он думает, что она очаровательна. Сегодня он смотрел на нее как на женщину – Лизи знала это.

И, господи, она хотела быть в его объятиях. Хотя бы один раз. Она тысячи раз грезила о Тайреле де Уоренне, но никогда не мечтала о такой ночи.

Если кто-то узнает об этом – если мама узнает об этом! – ей конец. Но никому и не нужно знать. В конце концов, Анна много раз целовалась, но только она и Джорджи знали об этом.

И внезапно Лизи решилась. Она любит его всю жизнь, и память об этом случайном поцелуе останется с ней навсегда. Дрожа, она опустилась на скамейку. Два часа, казалось, длились целую вечность.

– Лизи!

Лизи вздрогнула от отчаянного возгласа Анны. Она вскочила со скамейки и увидела, что та бежит к ней в слезах.

– Дорогая! Что случилось? – воскликнула она.

– Слава богу, я нашла тебя! Кто-то пролил пунш на мой корсет, – сказала Анна, смахивая слезы. – От меня пахнет, как от пьяницы, и мама велела мне идти домой. – Она вытерла слезы. – Но мне пришла в голову идея, замечательная идея. Ты ведь ненавидишь социальные мероприятия. Пожалуйста, Лизи, поменяйся со мной костюмом. Я так хочу остаться, мне так здесь нравится.

Здесь несколько интересных офицеров... Ты, конечно, готова вернуться домой?

Лизи задыхнулась от ужаса. Анна схватила ее за руку:

– Тебе ведь здесь не нравится? Ты не хочешь оставаться? Кроме того, тебе всего шестнадцать, Лизи. Остаться нужно мне, – более твердым тоном добавила Анна.

И Лизи почувствовала, как волшебство ночи исчезает. Конечно, Анна должна остаться – ей нужен муж, а Лизи – нет. Она напомнила себе, что свидание – лишь свидание, что Тайрел был просто возлюбленным из ее мечты и завтра она испытает боль, если осмелится сегодня ночью зайти дальше.

– Лизи! Я должна остаться! Действительно должна! Мне понравился один из солдат, а он завтра уезжает в Корк! – заплакала Анна.

Вечер был действительно волшебным, но он закончился.

– Конечно, я готова уйти. У меня все равно нет кавалера. Ничего не изменится, – отрывисто ответила она. – Ты же знаешь, я ненавижу вечеринки и праздники.

Анна улыбнулась, обняв ее:

– О, спасибо, Лизи, спасибо! Ты не пожалеешь об этом!

Но странно, она уже жалела об этом. Лизи не нужен был магический шар, чтобы понять: сегодня ей подарили возможность, которая дается раз в жизни. Она подумала, что, может быть,

будет плакать. Но она не была красавицей, как дева Мэриан, и никогда ею не будет. Тайрел де Уоренн поймет это, когда снимет с нее маску.

И, как сказала Джорджи, де Уоренн не для них. Пусть Тайрел помнит ее такой, какую увидел этой единственной ночью, если он вообще будет помнить.

Но Лизи почему-то думала, что будет.

## Глава 3

### Кризис строгих пропорций

Лизи лежала в кровати, не в силах подняться. Сквозь чуть приоткрытую занавеску он могла видеть, как светит солнце, предвещая еще один теплый день. Но после необыкновенной ночи день мог быть только обычным и разочаровывающим. Лизи уставилась в потолок, вспоминая чудесную встречу с Тайрелом прошлой ночью. На соседней кровати крепко спала Анна.

В свете нового дня Лизи была в смятении. Может, ей следовало остаться на балу и встретиться в саду с Тайрелом? Но как она могла огорчить Анну? Лежа в кровати, она продолжала вспоминать, как он наклонился к стене, почти прижав ее к ней, такой опасно соблазнительный в костюме пирата. Тело ее дрожало, и казалось, ничто не может облегчить то лихорадочное желание, которым она была охвачена.

Анна вздохнула во сне.

Лизи тоже вздохнула, все еще глядя в потолок, хотя даже не видела его. Она вообще не спала этой ночью, ворочалась, металась в постели, думая о нем, его теле и о том, какими могли быть его поцелуи. Анна вернулась с родителями и Джорджи через несколько часов после полуночи, и Лизи слышала, как она ходит по их общей спальне. Наконец она спросила ее, как прошел остаток бала.

– О, просто чудесно, – странным тоном ответила Анна.

Лизи села.

– Анна, с тобой все в порядке?

Анна предпочла не зажигать масляную лампу и держала в руках свечу. Она не обернулась, смотря в зеркало над туалетным столиком.

– Конечно же в порядке. Почему ты спрашиваешь? – Она поставила свечу и стала раздеваться.

Лизи продолжала сидеть. Три сестры были очень близки. Она знала: что-то неладно, чувствовала какое-то напряжение.

– Тебе ведь понравился вечер?

– Да, я замечательно провела время, – сказала Анна. – Почему ты задаешь мне такие вопросы?

Лизи извинилась, и на этом их разговор закончился.

Сейчас она думала не о сестре, а о странном интересе к ней Тайрела. Она напомнила себе, что, если бы осмелилась встретиться с ним, он попросил бы ее снять маску и сразу же потерял бы к ней интерес.

Сколько раз, год за годом, на вечеринке по случаю Дня святого Патрика она видела его в окружении красивых женщин? Его репутация была известна – Тайрел не был отъявленным негодяем, но ей было очевидно, что он предпочитает красоту уму, как почти каждый мужчина. И даже если, каким-то образом, он не разочаровался бы в ней после того, как она сняла маску, из их встречи все равно бы ничего не вышло. Он никогда бы не стал за ней ухаживать. Такой мужчина ни за что не женился бы на девушке такого низкого сословия – а Лизи не думала, что способна на интрижку. И все-таки она могла себе представить, на что это было бы похоже. И тут же он был с ней в кровати, гладил ее ноги, талию, грудь. Лизи повернулась поцеловать его...

Но его здесь не было, и губы Лизи поцеловали подушку. Она перевернулась на спину, дрожа. Любовной связи не будет, даже если бы она и была достаточно безнравственной, чтобы хотеть этого! Он ведь джентльмен, он не станет играть с молодой, хорошо воспитанной леди, как она. Самое большее, на что она могла надеяться, – это страстный поцелуй на балу.

Внезапно Анна заговорила во сне.

Лизи села, обеспокоенная:

– Анна? Ты спишь?

Анна металась и что-то шептала. Казалось, словно она разговаривала сама с собой. В доме Фицджеральдов было привычным делом спать после бала у де Уореннов. И все же Лизи подошла к кровати сестры и потянула ее за руку.

– Анна? Тебе снится плохой сон, – сказала она.

Глаза Анны распахнулись, и в какой-то момент казалось, что она не видит сестру. Даже после сна, с волосами завязанными с хвостик, Анна выглядела великолепно.

– Анна? Это просто сон, – успокоила Лизи.

Анна заморгала и наконец, увидев сестру, попыталась улыбнуться.

– О боже. Спасибо, Лизи. Мне снился кошмар.

Лизи решила встать.

– Что тебе снилось? – Она подошла к комоду и принялась расплетать волосы.

– Я не помню. – Анна натянула одеяло до подбородка. – Я танцевала всю ночь – у меня нет сил, – сказала она. И закрыла глаза, тем самым заканчивая разговор.

Лизи не выдержала и выскользнула из спальни. Приведя себя в порядок, она столкнулась в холле с Джорджи, полностью одетой, со строго зачесанными назад волосами.

– Доброе утро, – улыбнулась она.

Джорджи улыбнулась в ответ. На ней было простое, строгое голубое платье без украшений, даже без миниатюрной броши.

– Ты ушла до того, как мы смогли обсудить вечер! – воскликнула она.

И внезапно Лизи захотелось рассказать все.

– Я только оденусь, встретимся внизу!

Никогда еще Лизи не одевалась с такой поспешностью. Пока она бежала вниз, с растрепанными волосами, представляла реакцию Джорджи на события прошлой ночи. Джорджи уже пила чай с тостом за обеденным столом, когда Лизи вбежала в столовую, запыхавшись.

– Ты просто не поверишь – я боюсь, что упустила возможность своей жизни!

Джорджи вздернула тонкие брови:

– Ты кого-то встретила?

Лизи не решалась сказать. Она села, поблагодарив служанку, которая готовила им еду и стирала одежду, подававшую ей тост. Отодвинув тарелку в сторону, она спросила:

– Ты нашла себе нового кавалера?

Джорджи улыбнулась довольно самокритично:

– Кого я обманываю, Лизи? Дело не только в моем высоком росте. Я слишком много знаю о политике для собственного же блага. Ни один мужчина не хочет жену, которая может оспорить вопрос католицизма или проблемы, связанные с Законами о зерне, или церковном налоге, или объединении. Нет, не нашла.

И Лизи медлила. Затем она потянулась и схватила сестру за руку:

– Ты самый верный, честный человек, которого я знаю. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Джорджи. Пожалуйста, не соглашайся на такую жабу, как Питер Гарольд.

Джорджи скорчила гримасу:

– Посмотрим.

У Лизи появилось неприятное чувство.

– Но тебя просто разрывает от новостей.

Лизи не смогла сдержать улыбку и рассказала Джорджи почти о каждой детали ее встречи с Тайрелом де Уоренном.

– И он настоял на том, чтобы я пришла к нему в сад в полночь, – на одном дыхании выпалила она.

Джорджи задохнулась от удивления. Ей потребовалось время, чтобы заговорить.

– Я думаю, он был очарован тобой!

Лизи покачала головой:

– Он был очарован декой Мэриан – дерзкой девчонкой, которая бесстыдно флиртовала с ним!

– Но это была ты, – сказала Джорджи, пытаясь сохранять спокойствие; ее глаза были широко раскрыты.

– Не знаю, кем она была, – честно ответила Лизи. – Я никогда не разговаривала так ни с одним мужчиной. Я была шокирована – казалось, что нахожусь вне себя и наблюдаю за своим собственным остроумием!

Джорджи посмотрела на нее с тревогой:

– Но ты не пошла. Ты вернулась домой, оставив костюм Анне.

Лизи закусила губу.

– Я боялась, что он снимет с меня маску и горько разочаруется. И все же, если бы я пошла, мы бы поцеловались, и, Джорджи, мне так хотелось, чтобы он меня поцеловал.

– Ты поступила правильно, – отрывисто произнесла Джорджи. – Ничего бы не вышло из этой встречи, пока ты не согласилась бы на что-то недозволенное.

Лизи хотела сказать, что никогда бы не сделала ничего подобного, но, вспомнив свои бесстыдные тайные фантазии, поняла, что не может ничего возразить.

– Ты поступила правильно, – повторила Джорджи. Она снова улыбнулась, а Лизи стала думать, права ли ее сестра. – Но это успех, Лизи. Ты произвела на него впечатление, и сейчас он точно восхищается тобой.

– Да, кажется, он восхищался мной, – мягко проговорила Лизи. Странно, но сожаление подавляло удовольствие от этого триумфа.

– Где Анна? – строго спросила Лидия.

Лизи только что вернулась с долгой утренней прогулки неподалеку от деревенской дороги. Она надеялась, что это отвлечет ее от слишком живых мечтаний. Раньше Тайрел был приятной фантазией, которую она вызывала по желанию. Сейчас он преследовал ее на каждом углу. Отогнав его образ, она взглянула на мать.

– Что-то случилось, мама? – осторожно спросила она.

– Да, что-то случилось.

Лидия подошла к лестнице.

– Анна! Спускайся сию же минуту, я хочу поговорить с тобой.

Анна спустилась вниз в белой батистовой ночной рубашке, белом чепце и батистовом халате.

– Мама? – Она обменялась встревоженным взглядом с Лизи.

– Вы двое, в гостиную, живо. – И Лидия пошла впереди них в комнату.

Опять обменявшись взглядами, сестры покорно прошли следом. Лидия ждала у двери, которую она громко захлопнула за ними, и уперла руки в бока.

– Лизи, это правда, что ты флиртовала с пиратом? – спросила она; ее щеки горели.

Лизи заморгала. Краем глаза она заметила, что Анна покраснела. Конечно, она не могла лгать.

– Да.

Лидия широко раскрыла глаза:

– Миссис Холидей видела тебя в игровой комнате. Она сказала, что ты бесстыдно флиртовала!

– Я думала, ты хочешь, чтобы я флиртовала, – осторожно сказала Лизи.

– О да! – воскликнула Лидия, бросившись к ней и схватив ее за руки. – Я так рада за тебя! Но ты, – резко произнесла она, повернувшись к Анне, – ты должна была покинуть бал после бесстыдного поведения, свидетелем которого я оказалась! Ты превратилась в непослуш-

ную кокетку, и мне это не нравится, совсем не нравится. Я видела тот вальс! Они не разрешают вальсы даже в Олмаке! А затем ты демонстративно не послушалась меня, свою мать! Вместо того чтобы покинуть бал, ты сговорила со своей сестрой, разрушив ее единственный шанс на замужество! – Она посмотрела на Лизи, которая была шокирована и в то же время обеспокоена материнским гневом. – Кто это был? – спросила она. – На балу было по меньшей мере полдюжины пиратов. Кем он был, Лизи?

Лизи шумно сглотнула. Она стала лихорадочно соображать. Если она скажет маме правду – так она должна поступить по совести, – то даже представить не может, как поступит мама. Вероятно, она попытается сделать все, чтобы они составили пару – смешно, – и Лизи представляла, как унижительно это будет. Но как она могла лгать? Она повернулась, ища помощи у сестры, но Анна отвела взгляд.

– Он был в маске, мама. Я не знаю, – нервничая, ответила она.

– Не знаешь? – недоверчиво воскликнула Лидия.

Ты наконец-то встречаешь человека, заинтересованного тобой, – миссис Холидей сказала, что никогда не видела такого интереса раньше, – и ты не знаешь?

Лизи вздрогнула:

– Я не знаю, кто он, мама.

– Анна! – гневно сказала Лидия. – У тебя дюжина ухажеров каждый раз, когда ты выходишь в свет! Как ты могла? Это был шанс Лизи.

Анна закусила губу.

– Извини, – сказала она. Сейчас Анна смотрела на Лизи. – Мама права. Это я должна была уйти, а тебе следовало остаться.

– Я решила, что лучше будет покинуть бал, – с улыбкой ответила она, коснувшись руки Анны. – Мне и правда не хотелось оставаться, и я рада, что ты останешься и хорошо проведешь время.

Лидия воздела руки к потолку.

– Такие важные решения должна была принимать я! – воскликнула она. – У Лизи была золотая возможность. Как же мы узнаем, кто был твой поклонник?

Лизи быстро сглотнула.

– Мама, вряд ли это был поклонник.

– Если он был так сильно тобой очарован, то, конечно, поклонник. Мне нужно распутать это сложное дело. Я надеюсь, он британский солдат из хорошей и богатой семьи! Я сегодня же зайду к миссис Холидей и узнаю все в мельчайших подробностях! И поверь мне, я раскрою личность этого загадочного мужчины.

– Мама, это плохая идея! – воскликнула Лизи.

– Почему, юная леди? – поинтересовалась Лидия.

Лизи не смогла найти разумного объяснения.

Мама была подобна терьеру, учуявшему кость. Несмотря на то что Лизи протестовала, она поехала к миссис Холидей, полная решимости узнать, кто же этот так называемый поклонник Лизи.

Лизи смотрела, как мать отъезжает к карете; она совсем не чувствовала страха. Джорджи подошла к ней.

– Что же мне делать, когда она поймет, что я флиртовала с Тайрелом де Уоренном? – тихо спросила она.

– Почему бы нам не думать о проблемах по мере их поступления, – отрывисто ответила Джорджи. – Может быть, кто-то из присутствующих там пиратов тоже был одет в черное. – Она дотронулась до руки Лизи, пытаясь ее успокоить.

– Мне конец, – прошептала Лизи.

Как только мама узнает правду, ее отошлют в «Адар», но уже не как деву Мэриан. Джорджи прервала ее размышления:

– Лизи, тебе не кажется, что Анна ведет себя немного странно?

Лизи обернулась, так как Джорджи отошла и присела. Они были в гостиной, и Джорджи штопала папины носки; они не могли себе позволить купить новые, к тому же их все равно никто не видел. Лизи надеялась, что ей удастся почитать.

Вместо этого из-за внезапного маминого отъезда она ходила туда-сюда в непривычном для нее волнении.

– Она, наверное, устала от бала. Она никогда не спит днем, но сейчас отдыхает.

– Она танцевала большую часть ночи, – заявила Джорджи. – Однако я думаю, эта семейка и правда веселая.

Лизи не могла не согласиться. Хотя она обычно не хандрит, повернулась к окну, словно это могло помочь вернуть мать домой.

– Постарайся так не волноваться, – сказала Джорджи, взяв иголку с ниткой.

Лизи ничего не сказала, но подошла к дивану и попыталась читать книгу.

Тремя часами позже мама влетела в дом, сияя от восторга.

– Лизи! – закричала она, выйдя в середину передней. – Джорджина! Анна! Отец! Быстро все сюда! У меня есть новости! У меня есть чудесные новости!

Сердце Лизи упало. Она молилась, чтобы новости матери не имели к ней отношения. Папа появился из библиотеки в тот момент, когда они с Джорджи вышли из кухни. Последний час они шелушили горох, так как у них была только одна служанка Бетти, которая не могла все делать сама. Довольно медленно по лестнице спустилась Анна.

– Ты в порядке? – шепотом спросила у нее Лизи, когда они собрались вокруг матери в передней.

– Я в порядке, – ответила Анна с ослепительной улыбкой. – Просто устала, Лизи.

– Все! – захлопала в ладоши мама. – Я раскрыла личность пирата Лизи! – воскликнула она.

Лизи сжалась.

– Лизи! Это просто божество. Господи, Господи, Он нас благословил – это был Тайрел де Уоренн!

Лизи почувствовала, что готова упасть в обморок.

– Нет, – прошептала она.

– О да! – воскликнула Лидия, хлопая в ладоши. – Тайрел де Уоренн очарован тобой!

Лизи умоляюще посмотрела на Джорджи, неспособная говорить.

Ее сестры выступили вперед.

– Мама, здесь какая-то ошибка. Мы все знаем, что лорду Тайрелу нравятся красотки. На балу было много пиратов. Я не думаю, что мы можем полагаться на то, что сказала миссис Холидей.

– Глупости! – решительно ответила Лидия. – Завтра днем мы едем в его дом нанести визит графине.

Лизи протестующе вскрикнула.

– Не хочу слышать ни слова протеста от тебя, – предупредила мама. – Но от кого из вас. Я говорю серьезно.

– Я не могу, – прошептала Лизи, задыхаясь от ужаса. Худшего кошмара просто не могло быть! Мама хочет, чтобы ее дочери отправились в «Адар». Лизи хотелось умереть от стыда. Хуже того, Лизи знала, что Тайрел будет там и не узнает ее. О нет, он посмотрит на ее невзрачную фигуру, и у него не возникнет желания.

А мама сделает что-то ужасно унижительное, как всегда. Она представит Лизи, так или иначе намекая на перспективу свадьбы. Лизи хотелось сжаться и умереть.

– Завтра днем, – скомандовала Лидия. – Я не изменю свое решение.

– Мама, я не могу это сделать, – отчаянно попросила Лизи.

– Конечно же можешь!

Лидия подошла к ней и похлопала по плечу, словно этот жест мог ее успокоить.

– Мы ведь должны поблагодарить графиню за гостеприимство, не так ли?

Лизи застонала и повернулась за помощью к Джорджи.

Она решительно выступила вперед.

– Мама, – сказала Джорджи спокойным тоном. – Мы никогда раньше не навещали графиню. Мы всегда отправляли ей записку с благодарностью. Я думаю, мы должны придерживаться этой традиции.

– Я начинаю новую традицию, – ответила мама.

– Мама, Джорджи права. И может быть, графиня будет не в настроении, – отчаянно попросила Лизи. Но она знала, что никакие мольбы не изменят решение мамы.

– Если она не в настроении, мы зайдем в другой день, – улыбнулась ей мама.

Джорджи покачала головой:

– Мама, я знаю, чего ты хочешь. Ты надеешься, что Лизи заарканит Тайрела де Уоренна. Но это невозможно. Они намного выше нас. Даже если он и проявил интерес к Лизи, он не знал, кто она. Де Уоренн не женится на Фидджеральд.

– Вы меня извините? – внезапно спросила Анна.

– Разве ты не волнуешься за свою сестру? – удивилась мама.

Анна кивнула:

– Да, я очень волнуюсь за Лизи, но я заболела, мама. Я чувствую слабость и не могу ехать. – И она развернулась и пошла наверх, не дожидаясь разрешения.

Такое странное поведение лишило Лидию дара речи.

Лизи было слишком плохо, чтобы реагировать на поведение Анны.

– Мама, пожалуйста, не делай этого. Это ужасная ошибка. Тайрел де Уоренн не преследовал меня. Я бы знала, будь оно так! Пожалуйста, не заставляй меня ехать к ним в дом!

– Я собираюсь готовиться к ужину, – мило проговорила Лидия, словно не слышала. Подойдя к ступеням, она сказала: – О, и Лизи?.. Надень зеленое платье с зеленой шубкой. Зеленый – твой лучший цвет! – И она снова улыбнулась: – И, честно говоря, это к лучшему, что Анна заболела, не так ли? Лучше, если мы будем без нее, когда поедем к графине.

Ошеломленная, Лизи наблюдала, как Лидия поднимается по ступенькам. Джорджи подошла к ней и обняла за плечи.

– О боже, – прошептала Джорджи. – Не думаю, что есть какой-то выход из этой ситуации.

– Что мне делать? Мама смутит нас всех, а если появится Тайрел...

Лизи почувствовала, как ее щеки вспыхнули. Она не могла продолжать.

– Может, тебе сказать больно?

– Мама не спустит меня с крючка, даже если я действительно заболею! – воскликнула Лизи.

– Нам нужно чудо, – решила Джорджи.

Лизи застонала. Она не верила в чудеса, о нет!

Но на следующий день она полностью изменила свое мнение, поскольку не только графини не было в резиденции, но и вся семья покинула поместье прошлым днем. Сейчас они были на пути в Лондон. И не имели планов возвращаться.

Пораженная таким везением, Лизи могла только надеяться, что мама направит свой интерес на что-то еще.

Был холодный дождливый ноябрьский день. Лизи решила обратиться в гостиной, когда привезли книгу, которую она заказала в дублинском магазине. Со шваброй в руке, она сорвала

упаковку с посылки, улыбнувшись, когда увидела название. «Чувство и чувствительность». Забыв о своей работе, Лизи села и сразу же начала читать.

Она понятия не имела, как долго просидела здесь, погруженная в роман, но прочла несколько глав, когда услышала звук копыт и грохот кареты на улице. Лизи вернулась в реальность. Закрыв книгу, она подошла к окну и вздрогнула, увидев грузную фигуру Питера Гарольда, выходящего из кареты.

К глубочайшему сожалению Лизи, он навещал Джорджи каждую неделю в этом месяце. Казалось, Джорджи смирилась, хотя мало говорила в его присутствии, иногда улыбалась, позволяя ему продолжать свои бесконечные монологи. Лизи пошла в кухню.

– Джорджи, мистер Гарольд приехал.

Джорджи ошпылила цыпленка. Она застыла и медленно повернулась.

Лизи было больно видеть смирение своей сестры.

– Позволь мне прогнать его! – воскликнула она. – Я скажу ему, что ты любишь кого-нибудь молодого радикала из Дублина!

Джорджи пошла к раковине, снимая фартук.

– Он мой единственный кавалер, Лизи. И даже ты слышала, что мама жалуется, как ей трудно дышать.

– Доктор Райан сказал, она в порядке, – возразила Лизи. – Я начинаю думать, что эти ее заявления о плохом самочувствии просто способ заставить тебя сделать то, что она хочет.

Джорджи отошла от раковины.

– Я тоже об этом думала, но какая разница? Мы все надеялись, что Анна будет помолвлена к этому времени, но ничего не произошло. Нас пятеро, все хотят есть, и для родителей мы большая обуза. Кто-то должен сделать это, разве ты не согласна?

Лизи нахмурилась – мистер Гарольд постучал в парадную дверь.

– Анна выйдет замуж до лета. Ей просто нужно определиться в выборе поклонника.

– Анна легкомысленна, – ответила Джорджи, понизив голос. Она помедлила и затем добавила: – Мистер Гарольд признался мне, что зарабатывает пятьсот фунтов в год.

Лизи заморгала. И правда, хорошая сумма!

– Но он продает вино, – попыталась возразить она, – и он даже не протестант, он диссидент.

Джорджи вышла из кухни.

– Может, и так, но, по крайней мере, его политические взгляды не так оскорбительны.

Лизи пошла за ней.

– У него нет политических взглядов!

Она видела попытки Джорджи вовлечь его в политическую беседу, но он смог сказать лишь, что война хороша для его бизнеса, – не то чтобы он был сторонником войны, но цены на вино никогда не были лучше.

Джорджи проигнорировала ее, наклеив на лицо улыбку, когда открывала дверь. Лизи отвернулась, подавленная, но не смирившаяся с судьбой сестры.

Когда прохладные ноябрьские дни сменились зимними холодами, произошел невероятный поворот судьбы, поскольку в начале декабря красивый британский офицер постучал в дверь Фицджеральдов, чтобы нанести визит Анне. Лейтенант Томас Морли служил за пределами Корка, но, очевидно, повстречал Анну на балу в канун Дня Всех Святых и с тех пор переписывался с ней – что объясняло мечтательную улыбку, которая некоторое время была у нее на лице. Отпуск молодой офицер провел в Лимерике, навещая Анну каждый день. Мама быстро навела справки и выяснила, что он происходит из хорошей семьи и получает восемьсот фунтов в год. Анна могла хорошо жить на такую сумму. И не было сомнений, что молодой лейтенант всерьез ухаживает за Анной. Лизи скрестила пальцы, надеясь на лучшее, понимая, что

это уменьшит давление на Джорджи. Когда Томас вернулся в свой полк, Анна почти неделю плакала и ходила по дому грустная.

Но в канун Рождества Томас Морли вернулся.

– Анна! – воскликнула стоявшая возле окна Лизи, когда увидела долгового светловолосого офицера, выходящего из кареты. – Ах, Анна, это же лейтенант Морли!

Они были в гостиной. Анна отложила шитье и застыла, побледнев. Затем она подскочила к ней, забыв о рукоделии:

– Ты уверена, Лизи? Это в самом деле Томас?

Лизи кивнула, взволнованная за сестру.

Анна вскрикнула и побежала наверх переодеться и поправить прическу. Тем же вечером лейтенант Морли сделал ей предложение.

При объявлении о помолвке была откупорена бутылка шампанского. Анна и Томас держались за руки, и лица их светились от радости.

– За долгий счастливый союз, – произнес отец, подняв бокал. – И за мирный союз. – Он подмигнул Лизи.

Лизи не могла сдержаться и бросилась к Анне, заключив ее в объятия.

– Я так за тебя рада! – воскликнула она сквозь слезы, понимая, что плачет от радости. – Но буду очень скучать по тебе, когда ты выйдешь замуж.

Анна тоже заплакала.

– И я тоже буду скучать по тебе, по Джорджи, по маме и папе! Томас живет в Дербишире, и я хочу, чтобы вы приезжали навещать нас каждый год. – Она повернулась к своему жениху: – Ты ведь не против, дорогой?

– Я никогда не стану противиться твоим желаниям, – галантно ответил Томас.

Лизи знала, что он безумно влюблен в Анну и что каждое его слово – правда. Он не мог оторвать взгляд от невесты.

– О, сегодня такой прекрасный день, – сказала Лидия, вытирая глаза батистовым платком. – Джорджина Мей, я молюсь, чтобы ты была следующей невестой в нашей семье.

Джорджи застыла. Лизи с состраданием посмотрела на нее. Тем утром мистер Гарольд оставил ей рождественский подарок; разумеется, это было знаком его намерений; он подарил ей красивую шелковую мантилью. Джорджи улыбнулась, но Лизи знала, что она притворяется.

Лейтенант Морли уехал на следующий день, пообещав писать каждый день. И почти сразу после Нового года до них дошли слухи.

Граф Адар намеревался обручить старшего сына с наследницей могущественной английской семьи; союз мог стать очень выгодным.

Джорджи отвела ее в сторону тем вечером. Был серый зимний день, моросил мелкий дождь.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила она.

Лизи чувствовала себя отвратительно. Но у нее не было иллюзий. Она знала, что у нее никогда больше не будет такой встречи с Тайрелом де Уоренном, как на балу. И все же она чувствовала, словно ей выстрелили в сердце.

– Я в порядке, – грустно ответила она.

– Лизи, ты должна отпустить его. Он не для тебя.

– Я знаю, – сказала она. Но как она могла забыть его, когда мечтала о нем каждую ночь, когда он прерывал ее мысли днем, разжигая огонь в ее теле? – Я хочу, чтобы он был счастлив, – прошептала она, и это была правда.

Свадьба Анны была запланирована на сентябрь, и Лидия целиком и полностью посвятила себя подготовке. В конце концов было решено, что свадьба состоится в Дербишире. Анна была

влюблена и никогда не выглядела счастливее, чем сейчас. Но однажды вечером в конце месяца Лизи проснулась в полном недоумении, так как ее сестра всхлипывала в кровати.

– Анна? – Она подошла к ней. – Дорогая, что такое? Это сон?

Анна тут же вскочила с постели, добежав до камина, где горел небольшой огонь. Она помолчала минуту, прежде чем заговорить, и за эту минуту Лизи могла чувствовать, как колотится ее сердце.

– Да, – всхлипнув, ответила она. – Это был сон, ужасный сон. Извини, что разбудила тебя, Лизи!

У Лизи было странное чувство, что Анна говорит ей неправду, но она оставила все как есть до следующего случая на неделе. В яркое, холодное, солнечное утро она увидела Анну на улице, закутанную в пальто, та сидела низко опустив голову. Поза была странная. Обеспокоенная, Лизи быстро накинула на плечи шаль и, дрожа, поспешила на улицу.

– Анна? Что ты делаешь? На улице слишком холодно! – закричала она. – Ты заболеешь лихорадкой!

Анна не ответила, отойдя прочь и ускорив шаг.

Теперь по-настоящему обеспокоенная, Лизи побежала за ней. Она схватила ее за руку.

– Ты разве не слышала меня? – спросила она, развернув сестру к себе. И ахнула, увидев заплаканное лицо Анны. – О, что случилось?

Анна позволила себя обнять, казалось, она не способна говорить.

– Анна? – Лизи отступила. – Что случилось? Что-то с Томасом?

Анна покачала головой.

– Нет, Томас в порядке, – грустно прошептала она.

Лизи посмотрела на нее. Если с Томасом все в порядке, то что же это тогда? Анна была влюблена и планировала свадьбу.

– Пожалуйста, скажи мне, что случилось. Я знаю, что ты плакала прошлой ночью и это был не кошмар.

Анна задрожала, и Лизи не думала, что от холода. По ее щекам снова побежали слезы.

– Я не знаю, что делать. Мне конец, – тихо произнесла она. Закрыла лицо руками и стала всхлипывать.

Лизи обняла ее, охваченная беспокойством.

– Дорогая, давай зайдём внутрь. Мы можем поговорить об этом в гостиной и...

– Нет! – воскликнула Анна, ее глаза расширились от страха. – Не о чем разговаривать, Лизи! Моя жизнь закончена. – И она согнулась, всхлипывая от боли.

Лизи никогда так сильно не боялась. Обняв Анну, она повела ее к лоджии за домом, на скамейку. Усадила всхлипывающую сестру и села рядом с ней, держа ее за руки.

– Ты больна? – спокойно спросила она, изо всех сил стараясь скрыть беспокойство.

Анна подняла на нее взгляд.

– Я беременна, – сказала она.

Лизи была уверена, что ослышалась.

– Прошу прощения?

– Я беременна, – повторила Анна, снова разрыдавшись.

Лизи никогда раньше не была так потрясена. Пока Анна рыдала, она держала ее руку и пыталась собраться с мыслями.

– Твоя жизнь не закончена. Ты любишь Томаса, и такие вещи случаются. Когда должен родиться ребенок? – И все-таки ей было трудно поверить, что она позволила Томасу такие вольности до свадьбы.

Не поднимая взгляд, Анна сказала:

– В июле.

Свадьба была назначена на 5 сентября.

– О, что же мне делать! – заплакала Анна.

Только теперь Лизи осознала всю серьезность ситуации. Ребенок родится сразу же после свадьбы. Жизнь Анны может быть полностью разрушена, все двери в приличные дома закроются для нее. Она сглотнула, онемев от масштабов обрушившегося на них бедствия. И затем ей пришлось на ум решение проблемы.

– Ты просто перенесешь свадьбу, например на май. Конечно, тебе придется уехать, чтобы родить ребенка, но только ты, Томас и я будем знать правду. – Лизи улыбнулась, но Анна посмотрела на нее с таким удивлением, что она почувствовала свою улыбку неуместной. – Ты не сказала Томасу? – медленно спросила она.

Выражение лица Анны не изменилось. Она лишь раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но так и осталась стоять. Она закрыла глаза и прошептала:

– Ребенок не от него.

У Лизи упало сердце. Она не могла произнести ни слова от удивления.

Анна отвернулась, задыхаясь от всхлипываний:

– Моя жизнь кончена, Лизи. Я все потеряю, включая Томаса. О боже!

Лизи не могла ясно мыслить. Но, даже сидя здесь, огорченная за сестру, полная ее ужаса, она не могла понять, как такое могло случиться. Как она могла подпустить к себе другого человека?

– Кто отец? – услышала она свой голос.

Анна не посмотрела на нее, лишь покачала головой.

Лизи изо всех сил пыталась сохранить самообладание. Все совершают ошибки. Не важно, кто отец. Это вообще не ее дело. И все же она не могла не думать о том, кто сделал с ее сестрой такое прошлой осенью. Лизи понятия не имела. У Анны было столько поклонников.

Что действительно имело значение, так это поиск решения этой ужасной проблемы. Как предотвратить позор Анны? Лизи облизнула губы.

– Мне нужна минута на размышление.

– Лизи, то, что случилось, ужасно! – заплакала Анна, повернувшись к ней. – Это случилось еще до того, как Томас начал ухаживать за мной. Я знаю, тебе не понять, так как ты никогда не целовалась. За одним поцелуем последовал другой... Мне так жаль!

Лизи кивнула. И все же оставался еще один вопрос, который она хотела задать.

– Отец ребенка знает?

Анна покачала головой:

– Нет. Он понятия не имеет.

– Анна, вместо помолвки, ты могла бы выйти за него?

– Он никогда не опустится до того, чтобы жениться на мне, – ответила Анна. Было ясно, что отец ее ребенка из знатного рода. – Лизи, я знаю, ты, должно быть, сомневаешься во мне, но я действительно люблю Томаса. Я знаю, что влюблялась и до этого, но такого раньше никогда не чувствовала.

Лизи мрачно посмотрела на свою красавицу сестру.

– Как я могла в тебе сомневаться? Я никогда не видела тебя более счастливой, чем сейчас, – серьезно произнесла она. У Анны было полное право на счастливую жизнь с человеком, которого она любила. Одна ужасная ошибка не должна разрушить все это. Лизи глубоко вздохнула и посмотрела на сестру. Здесь и сейчас она приняла решение.

– Что это? – прошептала Анна, широко раскрыв глаза. – Я никогда еще не видела тебя такой решительной.

Лизи стояла, расправив плечи, чувствуя, словно готовится к бою.

– Я найду решение этой проблемы. Клянусь! Не бойся, ты выйдешь за Томаса, и никто, никто никогда не узнает об этом ребенке.

## Глава 4

### Важное знакомство

Письмо пришло на следующей неделе. Увидев почтовую марку, Лидия пришла в бурный восторг, приказав всем собраться в гостиной, чтобы она смогла прочесть содержимое письма.

– О, как же давно мы не получали новостей от вашей дорогой тетушки Элеонор! – воскликнула Лидия, ее щеки покраснели от возбуждения. Элеонор де Берри была не только богатой – ходили слухи, что она владеет состоянием в сто тысяч фунтов и еще не назвала своих наследников. Тетушка весьма чудаковата, необыкновенно прямолинейна и часто недружелюбна. И все же, по финансовым и социальным причинам, мама дорожила таким важным знакомством. – Я так надеюсь, что она решила навестить нас – или, даже лучше, пригласить нас в Дублин или Глен-Берри!

– Мама, ты должна успокоиться, – твердо сказала Джорджи, когда они вошли в гостиную.

– О, я в порядке! Никогда еще не чувствовала себя лучше! Отец! – воскликнула она. – Иди в гостиную! Элеонор прислала письмо! О, я подозреваю, что она приглашает нас в гости, ведь прошло уже более полутора лет с тех пор, как мы виделись с ней! – Мама широко улыбнулась трем дочерям, которые проследовали за ней в гостиную.

Лизи слегка улыбнулась и села, осторожно положив руки на колени и избегая встречаться взглядом с Анной. Щеки Анны горели, несомненно от чувства вины.

Красиво написанное письмо от Элеонор было подделкой.

Из сестер только Джорджи не знала об этом. Джорджи могла быть очень нравоучительной и правильной, поэтому они пока не раскрыли ей секрета Анны. Лизи планировала сделать все в Дублине, на всякий случай, если Джорджи не одобрит их обман.

– Я уверена, это просто письмо, – сказала Джорджи, и Лизи знала, что она изо всех сил пытается скрыть, как ее это волнует. Но сдержанный тон Джорджи противоречил блеску в ее глазах. – Не надо рассчитывать на воссоединение. – Джорджи посмотрела на Лизи, которая слегка улыбнулась ей. Лизи знала, как сильно Джорджине нравится Дублин. В последний раз, когда они видели свою тетю, Элеонор неожиданно появилась в Рейвен-Холле, оставшись там на целых три недели. Давно уже их не приглашали в элегантный дом Элеонор на Мэрион-сквер.

Мама стала обмахиваться письмом.

– Где отец? О, как же мне нравится Дублин, – заявила она.

Анна чуть заметно улыбнулась Лизи, быстро обменявшись с ней взглядом.

Лизи быстро отвернулась.

– Тетя Элеонор приглашает нас в Глен-Берри в Уиклоу, – спокойно проговорила она. Ее сердце очень быстро билось.

– Да, но в июле или августе. Я уверена, что она пригласит нас в Дублин, вот почему так взволнована. Конечно же в городе будет несколько модных богачей, несмотря на то что наши лучшие молодые люди в Лондоне! – Мама еще сильнее замахала письмом. – Отец!

Он вошел в гостиную как раз в этот момент, опираясь на трость, поскольку его левое колено болело сильнее, чем прежде, на этой неделе.

– Лидия, я не глухой. Итак, насколько я понимаю, мы получили приглашение от моей сестры?

– О, я молюсь, чтобы так и было! – воскликнула Лидия и начала быстро читать.

Лизи отказывалась смотреть на Анну сейчас.

– Оно было отправлено пять дней назад! – воскликнула она. – О, жаль, что у нас не такая почта, как в Англии!

– Мама, читай вслух, – мягко попросила Джорджи.

– «Мои дорогие Джеральд и Лидия, – прочитала она, – я надеюсь, с вами все в порядке. Я не очень хорошо себя чувствую и хочу, чтобы ваши три дочери погостили у меня до тех пор, пока мое состояние не улучшится. По словам моих врачей, это будет через несколько месяцев.

Я жду Джорджину Мей, Анабель Луиз и Элизабет Энн в Мэрион-сквер на следующей неделе. С наилучшими пожеланиями. *Элеонор Фицджеральд де Берри*».

Мамины брови поползли вверх от недоверия. Лизи попыталась вздохнуть, уверенная, что мама догадалась о том, что письмо – подделка.

– О, она пригласила только девочек, – разочарованно сказала она.

– И она даже не сказала, что случилось с ее здоровьем, – задумчиво произнес папа.

Джорджи вскочила:

– Она хочет, чтобы мы побыли с ней несколько месяцев?

Лизи тоже встала:

– Конечно, если она больна, мама, мы просто обязаны поехать ухаживать за ней. Мы поплывем на барже по Великому каналу и будем у нее через несколько дней.

Джеральд подошел к Лидии и похлопал ее по плечу.

– Это очень хороший поворот событий для наших дочерей, – сказал он. – Обычно нас приглашают на несколько недель, не более. Если Элеонор плохо себя чувствует, девочки могут остаться там на большее время.

Мама посмотрела на него, румянец вновь появился на ее щеках.

– О, дорогой, ты прав! Это же просто благословение! В Дублине намного больше возможностей, чем здесь, в деревне!

Внезапно Анна запричитала. Лизи вздрогнула, когда ее сестра заговорила.

– А как же Томас? Дублин слишком далеко, он не сможет навещать меня! – Ее щеки были темно-красными.

Мама была в нерешительности.

– Дорогая, всем известно, что разлука усиливает любовь, – сказала Лизи.

– Да, это правда, – вставая, проговорила Лидия. – И, Анна, теперь, когда ты устроена, разве ты не хочешь того же для своих сестер? Там точно будут вечеринки и балы и гораздо больше знакомств, чем здесь.

Анна выглядела огорченной.

– Конечно же я хочу, чтобы мои сестры нашли себе мужей, – прошептала она, уставившись в колени; ее щеки вспыхнули. Она сейчас была немного полнее, но никто в семье, кажется, не заметил, что она поправилась.

– Мама, я не могу уехать! – внезапно воскликнула Джорджи. – Тем более не на такое долгое время. Я нужна тебе здесь.

Лизи не верила своим ушам. О чем думала ее сестра?

Мама повернулась к своей старшей дочери, нахмутив брови:

– Мистер Гарольд не сделал еще тебе предложение, хотя он ясно дал понять свои намерения. Ты права. Ты не можешь уехать на несколько месяцев! Ты должна остаться здесь и заполучить его.

– Мама! Джорджи может найти гораздо лучшую партию в Дублине! – в ужасе воскликнула Лизи. Она решила увезти Джорджи как можно дальше от Питера Гарольда.

Лидия подняла брови:

– Мистер Гарольд – отличная партия. Может, он и небогородного происхождения, может, он просто продавец вина и диссидент, но очень обеспеченный и первый кавалер Джорджи с серьезными намерениями. Нет, чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что Джорджи должна остаться здесь. Ты поедешь в Дублин, а Анна будет тебя сопровождать. И так как ты единственная сестра без кавалера, это только увеличит твои шансы!

Джорджи выглядела смирившейся.

– Даже если я и не еду, я помогу Лизи составить план путешествия.

Лизи беспомощно посмотрела на Анну, которая так же посмотрела на нее, затем вернулась к письму, которое они написали.

– Я напишу Томасу письмо и объясню причину моего отсутствия! – воскликнула она, вскакивая. – И, Лизи, если мы должны немедленно ехать, то нужно начать собирать вещи. – Анна почти выбежала из комнаты.

– Убедитесь, что взяли лучшие вещи! – крикнула вдогонку мама.

Лизи вошла в спальню, которую она делила с Анной, зная, что вся семья находится внизу. Она закрыла дверь и заговорила самым тихим шепотом, на который была способна:

– Пока мама верит, что нас пригласили на Мэрион-сквер.

Анна кивнула, широко раскрыв глаза и почти не дыша.

– Мама купилась на твою схему. И Джорджи тоже. – Она закусила губу. – Но мама не позволит Джорджи ехать с нами.

Лизи кивнула. Она ненавидела обманывать, особенно Джорджи, но было слишком рискованно рассказывать ей о положении Анны, пока они не покинули Рейвен-Холл.

Анна посмотрела на нее:

– О, Лизи, я не знаю, как отблагодарить тебя! – Она была в нерешительности. – Но что нам сейчас делать? Я уверена, что мерзкий Питер Гарольд сделает ей предложение, и, так как она остается, все может закончиться свадьбой!

Лизи тоже думала, что этот ужасный момент неминуем.

– Я попытаюсь убедить Джорджи отказать мистеру Гарольду. То есть ты выйдешь замуж в сентябре. Конечно же Джорджи не следует быть с таким неприятным типом.

Анна подошла к шкафу и открыла его.

– Я никогда не смогу отплатить тебе за это, – произнесла она.

– Ты ничего мне не должна, – ответила Лизи, думая о подводных камнях, на которые им еще предстояло натолкнуться.

Анна не ответила, вытащив из шкафа стопку нижнего белья.

Лизи села на край кровати, обняв себя руками. Она и Анна были испуганы тем, как их примут на Мэрион-сквер. Их тетя была холодной, сдержанной и влиятельной и, как казалось, недоброй женщиной. У Лизи не было иллюзий. Элеонор очень не понравится, когда она увидит сестер на пороге своего дома, их сразу же могут отправить обратно.

Каким-то образом они должны убедить ее позволить им остаться.

Анна словно прочитала ее мысли.

– Если она не выгонит нас сразу же, то сделает это, когда узнает о моем положении! – Анна заплакала.

– Только самая бессердечная ведьма может сделать это, – повернулась к ней Лизи, веря в то, что говорит. – Она выгонит нас без гроша в кармане на улицу? Нет, ей придется оставить нас, Анна, и, если бы я не была в этом уверена, мы бы сейчас не собирались в Дублин!

Анна нервно вздохнула:

– Она никогда не была доброй, ни разу, сколько я помню.

– Мы семья, – произнесла это, Лизи почувствовала отчаяние. – Как сказала Джорджи, давай действовать постепенно. Мама приняла письмо, поэтому мы должны ехать. Мы подумаем обо всем, когда приедем на Мэрион-сквер, и побеспокоимся о том, что Элеонор узнает о твоём положении, только когда придет время рассказать ей всю правду.

– По крайней мере, мы действуем, – хрипло сказала Анна. – Мы приедем в Дублин до середины марта.

– Да, – согласилась Лизи.

Сестры уныло посмотрели друг на друга.

Глаза Анны наполнились слезами.

Лизи обняла ее.

– У меня будет целых четыре месяца, чтобы найти хорошую семью, которая сможет приютить ребенка, – прошептала она.

Анна кивнула, протирая глаза.

Лизи помедлила.

– Пока ты не расскажешь Томасу всю правду. И, если он сможет принять то, что ты сделала, это единственный выход.

– Я никогда не смогу рассказать ему об этом, – прошептала Анна. – Ни один мужчина не примет такую невесту.

Лизи была уверена, что Томас бросит Анну, если узнает, что она вынашивает ребенка от другого мужчины.

– Мы поступаем правильно, – прошептала она.

– Пообещай мне, что мы отдадим его только в хорошую семью, – сказала Анна.

– Обещаю.

Анна посмотрела на нее, затем вытерла глаза и подошла к шкафу.

– Я соберу твои вещи, Лизи.

– Нет, не надо, ты уже устала и задыхаешься.

– Мне все равно, особенно после того, что ты сделала для меня.

– Ни в коем случае, – сказала Лизи.

Внезапно раздался стук в дверь. Лизи и Анна замерли, затем Лизи вдохнула и жизнерадостно сказала:

– Входите.

Вошла Джорджи, нахмутив брови:

– Почему дверь закрыта? О чем вы двое шепчетесь?

Лизи притворилась, что удивлена:

– Мы даже не шептались.

Джорджи скрестила руки и нахмурилась:

– Вы двое уже несколько дней ведете себя странно! Что-то ведь происходит, верно? Что-то, о чем вы мне не говорите!

– Ничего не происходит, – твердо ответила Лизи. – Джорджи, конечно же ты хочешь поехать с нами! Конечно же ты хочешь избавиться от этой старой жабы, Питера Гарольда, до того как он сделает тебе предложение! И ты обожаешь Дублин!

Полные губы Джорджи сжались, а глаза потемнели.

– Меня беспокоит мамино здоровье. Не будет никого, чтобы заботиться о ней, проверить, хорошо ли она ест и отдыхает, если я поеду с тобой и Анной. Я просто не могу оставить маму на несколько месяцев.

Лизи поняла, что Джорджи уже все решила. Никто не мог быть более упрямым.

– Но что, если мистер Гарольд сделает предложение?

Джорджи скрестила руки:

– Он уже многие месяцы ко мне ходит. Может быть, он тоже понимает, что я не лучшая пара?

– Это не ответ, – не отступала Лизи.

Джорджи вспыхнула:

– Что ты хочешь, чтобы я сказала? Что я ему откажу? Если он сделает предложение, мне придется очень хорошо подумать о моем будущем. Сомневаюсь, что когда-либо получу еще одно предложение о замужестве. Я очень стараюсь полюбить его.

Лизи и Анна обменялись испуганными взглядами.

– Со мной все будет в порядке, – мягко сказала Джорджи сестрам. – Кроме того, мама права, это увеличит шансы Лизи найти себе кавалера. – Она попыталась улыбнуться, но ей это не удалось. – А теперь позвольте мне помочь вам собрать вещи.

Лизи схватила ее за локоть:

– Но я не хочу ни за кого выходить замуж.

Джорджи вздернула брови:

– Это только потому, что ты еще не влюбилась.

Лизи отвернулась, вспоминая его темные глаза, когда он наклонился к стене, не давая ей уйти, там, на балу.

– Надеюсь, ты не мечтаешь о Тайреле де Уоренне? – воскликнула Джорджи, понимая ее слишком хорошо.

Лизи помедлила. Она ни разу не прекращала думать о Тайреле, ни на день, за последние четыре месяца.

– Конечно же нет, – ответила она.

– Лизи, я была с мамой, когда сэр Джеймс сказал, что де Уоренн уехали в Уиклоу, – сказала Джорджи. Уиклоу было поместьем де Уореннов; его часто путали с графством Уиклоу, в котором это поместье находилось. Она не решалась продолжать. – Тайрел получил должность в ирландском казначействе, Лизи, важную должность.

Лизи почувствовала, что слабеет, ее сердце забилося сильнее. Тайрел будет в Дублине, на должности правительственного чиновника? О! Она не может думать об этом сейчас, когда положение Анны – такая ужасающая обуза.

– Джорджи, не будь глупой, – сказала она. – У меня и мысли о нем не было с октября. Есть гораздо более важные вещи, о которых я думаю. – Краем глаза она заметила, как побледнела Анна. Лизи понятия не имела, насколько благоразумно и спокойно это звучит.

– Например? – подозрительно спросила Джорджи.

Лизи улыбнулась:

– Например, спасти тебя от худшей судьбы, чем смерть. А теперь почему бы тебе не помочь нам? Нам еще много предстоит сделать, а времени на все мало.

Доки Великого канала располагались к югу от реки Лиффи и всего в нескольких кварталах от Мэрион-сквер; это было удобным совпадением. Сестры доплыли на барже за четыре дня. Сейчас они стояли в доке, придерживая свои юбки, пока грузчик приносил их чемоданы и сумки. Лизи и Анна посмотрели друг на друга с растущим страхом. Анна была белая как мел. Лизи знала, что и сама выглядит точно так же.

– Она ни за что не примет нас так просто, без приглашения и без предупреждения, – пробормотала Анна, едва шевеля губами.

– Конечно же примет. Мы ее семья, – настаивала Лизи, но ее сердце билось так, словно она пробежала марафон. Все, что ей нужно было сделать, – это взять карету с лошастью, и через несколько минут они стояли бы на пороге Элеонор. Лизи поняла, что дрожит.

– Она никогда не любила меня, – застонала Анна. – Я всегда это знала.

Лизи с удивлением на нее посмотрела:

– Конечно же она любит тебя. Перестань, не надо думать о худшем, пока не надо, – сказала она, взяв Анну за руку.

– По крайней мере, у нас есть несколько фунтов на то, чтобы снять комнату, если она нам понадобится, – заплакала Анна.

– До этого не дойдет, – твердо ответила Лизи, отказываясь думать иначе. Элеонор не обрадуется, увидев их, но помимо этого она не могла придумать, что может случиться, кроме того, что она была твердо намерена убедить Элеонор позволить им остаться. – Я вижу карету! Подожди здесь! – воскликнула она, побежав по причалу.

Извозчик был рад получить от них плату и с радостью погрузил их чемоданы. Через несколько минут они были на Мэрион-сквер, в одном из самых модных районов Дублина. Лизи и Анна взялись за руки, когда карета остановилась у дома Элеонор, огромного дома из известняка на северной стороне парка. Коринфские колонны украшали широкий вход, над которым возвышался фронто́н. Дом был четырехэтажным, с многочисленными террасами и балконами, выходящими в сквер. В самом парке было множество аккуратных лужаек, цветущих садов и лабиринтов дорожек, посыпанных гравием, но Лизи не замечала всего этого. Она смотрела на дом, поглощенная ужасом и страхом.

– Леди? Я спустил ваш багаж, – сказал извозчик с тротуара, на котором стоял.

Лизи поняла, что он открыл дверь кареты. Она сошла с его помощью, за ней последовала Анна и быстро отдала ему ту сумму, на которую они сторговались. Когда извозчик уехал, Лизи и Анна уставились друг на друга в смятении.

Лизи закусила губу.

– Вот и все. Улыбайся, Анна, как будто все в порядке, как будто мы приехали осмотреть город и просто навестить любимую тетю.

Анна озвучила мысли Лизи, когда спросила с отчаянием:

– Но что, если она даже не позволит нам войти?

– Ей придется, – отрывисто произнесла Лизи, – поскольку я отказываюсь принимать отрицательный ответ.

– Ты стала такой храброй, – сказала Анна, готовая заплакать.

Лизи взяла Анну за руку, надеясь, что сможет таким образом ободрить ее, хотя сама боялась точно так же.

– Ты выглядишь такой же испуганной, как француз, идущий на гильотину, – проговорила она. – Так не пойдет.

Анна кивнула; выглядела она жалкой.

Оставив чемоданы на улице, сестры поднялись по высоким центральным ступеням, по краям которых стояла пара внушительных статуй львов в натуральную величину, и через галерею к центральной двери, где стоял одетый в ливрею портье. Он кивнул им и открыл резную дубовую дверь. Лизи поняла, что все еще держит Анну за руку, – это было знаком ее собственного беспокойства, что она поняла, когда они вошли в круглое фойе с черно-белыми мраморными полами и огромной золотисто-кристальной люстрой. Перед ними была извилистая лестница. Пришел слуга, и Лизи протянула ему визитную карточку.

– Добрый день, Леклерк, – сказала Лизи с легкой улыбкой. – Пожалуйста, скажи нашей тете, что мы здесь. – И даже когда она говорила, она могла слышать высокий, достаточно резкий голос ее тетушки и мягкий смех джентльмена, доносившиеся из гостиной.

– Конечно, мадемуазель, – ответил дворецкий, поклонившись, когда уходил.

– У тети Элеонор посетители, – нервно прошептала Анна.

– Тогда ей придется соблюдать манеры, – ответила Лизи, зная, что Элеонор никогда не следила за манерами. Она была такой богатой, что могла говорить и делать все, что ей заблагорассудится. И тот факт, что она не назвала наследника, мало ее беспокоил. Такой странный выбор невероятно веселил общество.

Голос Элеонор зазвучал громче в резком протесте, нарушив их молчание:

– Я же говорю... Что? Мои племянницы здесь? Мои племянницы здесь? Какие племянницы, Леклерк? Какие еще племянницы!

Лизи и Анна обменялись обеспокоенными взглядами.

– Я не приглашала никаких родственников! – воскликнула Элеонор. – Выгоните их! Выгоните их немедленно!

Лизи ахнула, не веря своим ушам. Она даже не увидит их? Но через несколько минут она услышала стук тетушкиных каблучков. Элеонор вошла через арку в холл, на ее лице отражались

недоверие и гнев. Сердце Лизи ушло в пятки, но она быстро изменила выражение лица, надеясь, что получилось мило. Затем она заметила рядом с тетей высокого блондина.

Элеонор вошла в фойе со светловолосым джентльменом.

– Что это значит? – спросила она.

Лизи храбро выступила вперед и сделала реверанс, понимая, что дрожит.

– Добрый день, тетя Элеонор. Мы приехали в город на весенний тур, и мама попросила навестить вас. Надеемся, с вами все в порядке?

– Что? Весенний тур? Что за ерунда? – сердито проговорила Элеонор. Теперь она вспыхнула от гнева, но было видно, что сбита с толку. Она была очень маленькой, стройной женщиной с седыми кудряшками и ярко-голубыми глазами, одета в изысканное черное бархатное платье и такое же изысканное бриллиантовое ожерелье. Элеонор все еще скорбела по своему мужу, лорду де Берри, хотя он умер лет десять назад.

Прежде чем Лизи смогла ответить, джентльмен выступил вперед, твердо взяв руку Элеонор в свою. Ему было слегка за двадцать, он был очень красив, с живым блеском в глазах, и Лизи сначала подумала, что он мошенник, но он носил приличную одежду: темно-синий пиджак и желтовато-коричневые брюки.

– Моя дорогая Элеонор, – произнес он; по голосу чувствовалось, что ему весело, – разве так приветствуют родственников, которые осмелились навестить вас?

Элеонор гневно посмотрела на него:

– Я не спрашивала твое мнение, Рори, хотя я знаю, что ты все равно его выскажешь.

Рори улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

– Может быть, леди проделали дальний путь? – Он взглянул на сестер, его взгляд задержался на Анне, которая была готова упасть в обморок или разрыдаться. Затем он внимательно посмотрел на Лизи; его взгляд был странно острый, но тон остался легким. – Я знаю, у вас щедрая душа, тетушка, – мягко добавил он.

Лизи понятия не имела, кто это такой.

Но Элеонор вздохнула:

– Да, они и правда проехали некоторое расстояние. Мои племянницы родом из Лимерика. – Она произнесла это слово так, словно оно было оскорбительным. Затем посмотрела на них: – Охотитесь за наследством? Я вас не приглашала!

– С нами все в порядке, большое спасибо, тетя Элеонор, – твердо сказала Лизи, – хотя, как вы видите, Анна немного устала из-за поездки.

Элеонор хмыкнула.

Рори быстро взглянул на Лизи, затем снова на Анну – было невозможно прочесть его взгляд, – затем снова повернулся к тете:

– И не познакомите ли вы меня с этой белокурой красавицей?

Элеонор пренебрежительно фыркнула, затем посмотрела на Анну:

– «Белокурая красавица»? Что ж, она была красавицей, но сейчас о ней вряд ли можно сказать такое. Рори, это сестры Фицджеральд, Элизабет и Анабель, дочери моего брата Джеральда. – Она повернулась к Лизи и ее сестре: – Этот негодяй – мой племянник, его покойная мать была сестрой лорда де Берри.

Рори, смеясь, отвесил поклон.

– Рори Макбейн, к вашим услугам, – с невероятной обходительностью произнес он.

– Не обращайтесь на него внимания, он неисправимый распутник, – резко сказала Элеонор. Но Лизи уже поняла, что, несмотря на приличную манеру одеваться, он и в самом деле дамский угодник.

Анна внезапно издала тихий звук и схватила Лизи за руку. В тот момент она начала падать, ее колени подкашивались. Рори Макбейн метнулся вперед и, когда Анна почти рухнула на пол в обмороке, подхватил ее на руки. Больше не улыбаясь, он быстро произнес:

– Перестаньте, Элеонор, ваша племянница больна.

И он пошел с Анной на руках по дому; было видно, что он хорошо знал его устройство.

Лизи в страхе побежала за ним, Элеонор шла за ними по пятам.

– У нее слабое телосложение, – сказала она ему в спину. Ей было страшно, что Анна больна. Она знала, что напряжение от обмана, который они затеяли, так влияет на сестру. – Путешествие было трудным для такого слабого человека, как она.

Рори провел их в шикарную гостиную среднего размера, уложив Анну на диван.

– Леклерк, – приказал он, – принеси мне соль!

Лизи опустилась на колени рядом с ним, взяв Анну за руку. Рори посмотрел на нее:

– Она часто падает в обморок?

Лизи помедлила, встретившись с ним взглядом; его глаза были зеленые, как весенний ирландский день.

– Иногда, – ответила она, добавив еще одну ложь.

Лизи внимательно посмотрела на него и поняла, что он что-то заподозрил. Она чувствовала, что мужчина умен и проницателен, и боялась, что он разоблачит их.

– Она уже несколько дней не падала в обморок, – быстро сказала Лизи, убеждая себя, что он не может подозревать истинную причину обморока. Анна сейчас была полной, так как у нее шел пятый месяц беременности, но юбки носила с высокой талией. Вся одежда была расшита, и они продолжали скрывать ее слегка выросший живот. Конечно, через месяц или чуть больше будет видно, что она беременна. Лизи продолжала сжимать руку Анны, надеясь, что та очнется.

Рори испытующе посмотрел на нее, затем сказал:

– Элеонор, вы должны вызвать своего врача.

– Нет! – воскликнула Лизи и быстро улыбнулась ему. – Это легкая простуда, только и всего, – сказала она ему. – Анна будет в порядке.

Рори смотрел скептически, и Лизи с ужасом ждала. В этот момент вошел Леклерк, протянув Рори соль.

– Спасибо, – сказал Рори, поднеся ее прямо к носу Анны.

Она тут же закашляла, заморгав.

Он еще раз помахал солью. Анна снова закашляла и полностью очнулась, Рори медленно поднялся. Лизи быстро заняла его место, сев рядом с Анной. Все еще сжимая руку сестры, она встретила с ней взглядом.

– Ты просто упала в обморок, – мягко сказала она.

– Извините, – удалось выдать Анне.

– Все в порядке. – Лизи погладила ее лоб. Наконец она вспомнила о тете.

Элеонор стояла рядом с Рори, ее лицо выражало недовольство.

– Итак? – сказала она. – Кризис закончился?

Анна попыталась сесть.

– Извините, тетя Элеонор, – выдохнула она. – Простите меня. – Краски снова возвращались к ее щекам.

– Это не твоя вина, – мягко сказала Лизи. Она почувствовала взгляд Рори и увидела, что он слишком пристально смотрит на Анну. Лизи надеялась, что он просто восхищается ее красотой, а не пытается разгадать их секреты.

Лизи медленно поднялась и посмотрела на свою тетю.

– Мне жаль, что мы приехали таким образом, – с достоинством произнесла она. Трудно было быть храброй, но другого выбора не оставалось. – Мама настояла, чтобы мы приехали. Мы знали, что вам это не понравится, но не могли послушаться свою мать. Теперь, как вы видите, Анне нехорошо. Пожалуйста, позвольте нам остаться, лишь на некоторое время.

Глаза Элеонор потемнели.

– Я так и думала! Не было никакого весеннего тура по Дублину! Никто больше не путешествует по этому городу! Это была лишь часть лживого плана вашей матери! Я знала это.

Рори твердо взял ее за руку, как делал это раньше:

– Тетушка, вашей племяннице нужен отдых. Видно же, что ей нехорошо, и вы не выгоните ее.

– Лидия Фицджеральд посмела навязать мне двух из трех своих дочерей! – воскликнула в ярости Элеонор.

– И неужели это так ужасно? – мягко спросил ее Рори. Он очаровательно улыбнулся ей. – Разве не приятно иметь такую красавицу в доме?

– Может быть, для тебя, – хмыкнула Элеонор. – Тебе кто-то из них понравился? Элизабет нужен муж, – сказала она.

Лизи вздрогнула, чувствуя, как заливаается краской. Внезапно заговорила Анна, пытаясь встать. Рори подбежал к ней помочь.

– Тетя Элеонор?

– Не вставайте! – воскликнул Рори.

– Я в порядке, – сказала Анна, улыбнувшись ему. Затем она обратила обеспокоенный взгляд на Элеонор, и взгляд стал умоляющим. – Возможно, мы как-то сможем помочь вам. Я играю на пианино и пою, Лизи любит читать вслух и отлично готовит. Никто не печет пироги лучше. Мы не будем обузой, правда, мы будем только помогать. Может быть, вам понравится наша компания. О, пожалуйста, позвольте нам остаться!

– Я действительно пеку замечательные пироги, – сказала Лизи, быстро улыбувшись. – Нам очень хотелось бы быть вашими собеседниками, если вы позволите нам.

– У меня есть этот бездельник для компании, – едко ответила Элеонор. – Он никогда не оставляет меня одну!

– Вам пойдет на пользу женская компания, – мягко сказал Рори. – Мне уже давно пора уезжать, так что я не смогу навещать вас так часто, как мне хотелось бы. Вы же знаете, я еду в Уиклоу через несколько дней.

Лизи была уверена, что он имеет в виду графство Уиклоу, а не особняк графа Адара в Пейле.

Элеонор посмотрела на него:

– Ты единственный, кто думает получить пользу от этого, я же вижу, красивый негодяй. И эти интрижки доведут тебя до тюрьмы!

Рори в притворном раздражении поднял брови.

– Не беспокойтесь обо мне, тетюшка, – сказал он. – Можно мне напомнить вам, что я должен скоро поехать в Лондон? Я не вернусь до середины лета. И что вы тогда будете делать? Я не хочу, чтобы вы были одиноки, тетюшка, – лстиво сказал он. Затем ухмыльнулся. – И признаюсь, я не буду против такой приятной компании, когда приеду. – Он перевел свой взгляд с тети. Лизи удивилась, когда он подмигнул ей.

– Ты только и делаешь, что уезжаешь, – проворчала Элеонор. – Я поступлю так, как поступаю всегда, – уеду в Глен-Берри в Уиклоу. – Но было видно, что она поддается его очарованию.

Рори отошел от Анны и взял тетюшку за обе руки.

– Позвольте им остаться, – прошептал он.

Лизи никогда не видела, чтобы убеждали так мягко и открыто.

Выражение лица Элеонор смягчилось.

– Посмотрим. – Она взглянула на Лизи и Анну. – Вы можете остаться на ночь. – Она развернулась на каблуках и быстро вышла из комнаты.

Рори сложил руки на широкой груди и повернулся к сестрам. В его глазах не было веселья. Лизи боялась, не зная, о чем он думает.

– Спасибо, сэ, – натянуто произнесла она.

Его ресницы опустились, пряча те размышления, которые у него были, и он кивнул:

– Надеюсь, вашей сестре скоро станет легче. – Не глядя на них, он покинул комнату.

Колени Лизи подкосились. Она опустилась на диван рядом с Анной, которая вытирала слезы, дав себе волю.

– О боже, – прошептала Анна. – Она ведьма, ужасная ведьма! Это было даже хуже, чем я себе представляла!

Лизи взяла Анну за руку:

– Нам повезло, что ты упала в обморок. – Она помедлила и добавила: – Боюсь, что мы обязаны мистеру Макбейну.

– Да, кажется, так и есть, – вздохнула Анна.

## Глава 5

### Ужасное открытие

На следующий день Лизи сидела с Анной в семейной гостиной, на ее коленях лежала неоткрытая книга. Анна держала в руках вышивку, но пока не сделала ни единого стежка, а Лизи не прочитала ни единого слова. Вчера они мудро решили пойти в свои комнаты – каждой предоставили отдельную спальню – и Элеонор не пригласила их на ужин. Они знали, что она не выходит из комнаты до одиннадцати, поэтому провели утро в спокойном приготовлении к следующей судьбоносной встрече.

Голова Лизи болела. Она потеряла виски, заметив, что на улице замечательный весенний день, и пожелав, чтобы у нее была возможность насладиться им. Из окна гостиной она могла видеть, что небо голубое, словно василек, и могла слышать пение птиц в парке. Но как она могла чем-то наслаждаться, когда не знала, выгонят ли ее и ее сестру из дома или нет? Пульсирование в висках усилилось.

Внезапно зазвучал стук каблуков Элеонор. Она быстро приближалась. Лизи и сестра обменялись встревоженными взглядами. Анна немедленно принялась усиленно вышивать, а Лизи притворилась, что полностью поглощена чтением.

Невероятно напряженная, Лизи украдкой взглянула на дверь. Ее открыл элегантный француз, Леклерк, и ее тетя появилась за его спиной. Как обычно, Элеонор была одета в черное платье из плотного блестящего атласа с черными кружевными манжетами и рукавами; сегодня на ней было другое ожерелье – с огромным выступающим рубином. Хотя Элеонор и была маленькой и стройной, она имела осанку королевы.

Лизи вскочила на ноги, споткнувшись от поспешности, и сделала реверанс. Анна тоже встала, делая реверанс:

– Доброе утро, тетя.

– Доброе? Не знаю, я не ждала гостей, – сказала Элеонор, входя в комнату. Она подошла прямо к Анне. – Ты все еще больна?

Анна снова сделала реверанс.

– У меня кашель, – солгала она и покашляла, прикрываясь рукой. – Но мне лучше, и я не знаю, как отблагодарить вас за вчерашнюю доброту. – И ослепительно улыбнулась тете.

Лизи затаила дыхание.

Элеонор холодно посмотрела на нее:

– Ты хочешь сказать, доброту Рори, не так ли? Тебе он нравится? – спросила она.

Анна широко раскрыла глаза:

– О нет, конечно же нет! Я хочу сказать, он выглядит отличным джентльменом...

Элеонор прервала ее:

– Он слишком очарователен и легко кружит головы женщинам, не забывай это. Ты все еще красавица, несмотря на то что становишься полной. Может быть, Рори и предпочитает политику романтике, но все-таки он находит время побегать за красотками. Я не потерплю никаких интриг в моем доме, слышишь меня? Не потерплю.

Анна сделала реверанс, в почтении опустив взгляд:

– Тетя Элеонор, я помолвлена. Мама ведь написала вам?

– Разумеется, написала, но ты еще не замужем. – Она повернулась к Лизи: – И тебя это тоже касается.

Прежде чем Лизи могла заговорить, Элеонор снова повернулась к Анне:

– Почему ты такая толстая? Что случилось с твоей стройной фигурой?

Анна помедлила.

– Я очень увлеклась шоколадом.

– Какой стыд, – резко проговорила Элеонор. – Если ты станешь слишком толстой, то потеряешь свою необычную внешность.

Лизи осмелилась приблизиться:

– Тетя Элеонор, сегодня прекрасный день. Вы не хотели бы прогуляться со мной по саду?

Элеонор повернулась:

– Не нужно ублажать меня, девочка. Сколько тебе уже лет?

Лизи удалось улыбнуться, несмотря на страх.

– Мне шестнадцать, тетушка, и этим летом будет семнадцать. Я бы никогда не стала ублажать вас. Но мне бы хотелось прогуляться самой, и я подумала, что вы, возможно, захотите присоединиться. Но если вы предпочитаете сидеть дома в такой чудесный день, – пожала плечами Лизи, – тогда я прогуляюсь сама.

– Я думала, ты собираешься испечь пирог, – заметила Элеонор.

Сердце Лизи забило быстрее.

– Я приготовила яблочный пирог сегодня утром. Если у вас нет планов на вечер, можно съесть его за ужином.

Элеонор запнулась, но быстро пришла в себя.

– Итак, ты намереваешься оправдать свое пребывание? Я помню те восхитительные пироги в Рейвен-Холле. Это ты их пекла?

Лизи чуть дышала, не зная, означает ли замечание Элеонор, что им позволят остаться.

– Да. Я думала испечь пирог с лимонной начинкой завтра, – ответила она. – Я видела ящик испанских лимонов в кладовке. Если вы не против, я использую их.

Глаза Элеонор заблестели, и она почти улыбнулась – пока не поняла, что делает. И тут же нахмурилась.

– Я конечно же предпочитаю пирог с начинкой обычному пирогу. Но тебе придется спросить повара, нужны ли ему лимоны.

– Я уже спросила его, – улыбнулась Лизи, и на этот раз улыбка была неподдельная. – Он попросил меня поделиться с ним моими секретами выпечки. Я помню из ваших визитов, что вы предпочитаете пирог с начинкой обычному пирогу.

Элеонор хмыкнула и повернулась к Анне:

– А ты? Ты слишком больна, чтобы почитать мне?

– Конечно же нет, – сказала Анна, хотя ее взгляд оставался невероятно обеспокоенным. – Что мне почитать? Или вы предпочитаете сначала прогуляться?

– Сначала я прогуляюсь, – решительно сказала Элеонор. – Но ты можешь почитать мне, когда я вернусь. Я хочу знать о приездах и отъездах в дублинском замке. Рори пишет эти колонки для правительственных дел, он также рисует. Его карикатуры забавляют.

– Он журналист? – с удивлением спросила Лизи.

– Он радикальный реформатор, – с усмешкой ответила Элеонор, – из-за этого умрет, по крайней мере социально! Но да, он зарабатывает себе на жизнь, как мещанин, публикуя репортажи о делах правительства в «Тайме». Еще ему платят небольшую сумму за его умные карикатуры.

Было ясно, что Элеонор не простила племяннику такую работу, поскольку настоящий джентльмен не пачкает руки или репутацию зарабатыванием на жизнь.

– Мне он не казался слишком радикальным, – заметила Лизи, больше про себя, чем обращаясь к кому-либо еще. – Но я заметила, что он похож на дамского угодника.

Элеонор с интересом посмотрела на нее:

– Его политические взгляды чрезмерно радикальны. Многие двери в приличные общества были бы закрыты для него из-за его экстремальных взглядов, если бы не родство со мной.

Тогда Рори Макбейну очень повезло, подумала Лизи, но даже не улыбнулась.

– Радикальный или нет, он мой любимый родственник! – воскликнула Элеонор. Затем посмотрела на них с предупреждением. Можно было понять, о чем она хочет сказать: если кто и унаследует ее состояние, то это ее любимый Рори.

– Думаешь, ей понравится? – встревоженно спросила Анна, когда они стояли у входа в столовую. Длинный стол из вишневого дерева был сервирован на четырех человек хрустальным, серебряным и позолоченным канделябром и украшен тремя цветками. Это и в самом деле был прекрасный стол.

Анна не пошла с ними днем по магазинам на Кейпел-стрит, поскольку они не хотели, чтобы она показывалась на людях, пока не родится ребенок. И все же ей удалось украдкой сбежать на ближайший рынок и вернуться с букетом цветов. Лизи помогла ей украсить стол. Более чудесного стола просто не могло быть.

– Надеюсь, – мягко ответила Лизи. Но казалось, что ничто не может понравиться их тете. Она была в очень плохом настроении сегодня. И все-таки Лизи начала удивляться, что было хуже: ее лай или ее укусы. – Может быть, несмотря на ворчанье, ей понравилась прогулка с нами сегодня. В конце концов, мы посетили дюжину магазинов и все, что купили, – это лишь две коробки шоколадных конфет.

Лизи решила купить их после того, как Анна недавно призналась в слабости к шоколаду.

Не успела Анна ответить, как у них за спиной раздался голос Элеонор:

– Вот как? Значит, я ворчу?

Лизи повернулась, красная как рак. Она увидела, что Элеонор стоит у двери, на ее лице неодобрение, а затем поняла, что Рори Макбейн стоит позади нее, с искорками смеха в глазах. Их взгляды встретились, когда Лизи воскликнула:

– Я не это хотела сказать!

– О, как раз это, – нахмурилась Элеонор.

Рори провел свою тетю в гостиную.

– Никогда не видел более красивого стола! – воскликнул он, подмигнув Лизи. – Тетушка, разве вы не согласны?

Она фыркнула, но посмотрела на стол, прищурив глаза.

– И вы правда постоянно ворчите, но это то, что делает ваш характер уникальным, – добавил Рори. Он очаровательно улыбнулся Анне: – Вам сегодня лучше?

Она улыбнулась в ответ:

– Да, спасибо. – Затем спросила нетерпеливо: – Тетя Элеонор, вам нравятся цветы? Я решила выйти на улицу и подумала, что они вам понравятся.

Элеонор не ответила.

Лизи продолжила сжимать руки.

– Тетя Элеонор, извините меня, я не это имела в виду. Я хотела сказать, что...

– Ты имела в виду именно это. С каких пор ты стала высказывать свои мысли? – очень резко спросила ее Элеонор. – Твоя сестра Джорджина была наглой, с ядовитым языком, – сказала она. – Ты была застенчивой, и вот, пожалуйста, ты называешь меня ворчуньей. Кроме того, ты без умолку болтала весь день.

Лизи вспыхнула. Она пыталась завести легкий, невинный разговор, чтобы понравиться своей тете. Очень осторожно она произнесла:

– Я знаю, вы не специально, но, когда так резко разговариваете с нами, это может оскорбить наши чувства, – вот и все, что я имела в виду, говоря, что вы слишком много ругаетесь.

Возможно, она перегнула палку, поскольку никто из критиковавших тетю Элеонор не оставался живым.

Элеонор раскрыла рот от удивления.

Рори улыбнулся с видимым одобрением.

– Разве я не советовал вам следить за манерами? – поддразнил он тетю. – Очевидно, мисс Фицджеральд согласна со мной.

Элеонор посмотрела на него:

– Это ты без манер. Прийти сюда, чтобы флиртовать с моими племянницами! И не говори мне, что зашел навестить меня, я знаю тебя слишком хорошо, Рори. Я точно знаю, почему ты здесь.

Рори засмеялся.

– Я глубоко расстроен тем, что вы видите меня насквозь! – воскликнул он. – Но я признаюсь, и правда пришел навестить ваших чудесных племянниц. На самом деле я пришел сюда убедиться, что у них есть крыша над головой, пока они в Дублине.

Элеонор нахмурилась.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказала Анна, дотронувшись до его рукава.

– Не знаю, как благодарить вас за то, что убедили тетю Элеонор позволить нам остаться. Я чувствую себя в долгу перед вами, сэр.

– Мы кузены, – ответил он, вежливо поклонившись. – А значит, вы ничего мне не должны.

Элеонор наблюдала за парой так же внимательно, как и Лизи.

– Анабель выходит замуж в сентябре, Рори.

Казалось, его это ничуть не расстроило. Он улыбнулся Анне:

– Тогда позвольте мне передать вам самые искренние поздравления?

– Спасибо, – просияла Анна.

Лизи была в замешательстве. Неужели Рори Макбейна не заинтересовала его красивая сестра?

– Томас родом из Дербишира. Он из семьи Морли. Вы знаете семью Морли из Дербишира, мистер Макбейн? – с легким нетерпением спросила Анна.

Улыбка Рори исчезла.

– Нет, боюсь, что нет. Так он англичанин?

Анна с гордостью кивнула:

– Да, и он военный.

Рори с минуту смотрел на нее.

– Так, значит, вы выйдете за «красный мундир».

– Он замечательный джентльмен, – быстро сказала Анна.

– Да, и он англичанин, что делает его гораздо лучшим животным по сравнению с нами, простыми ирландцами.

– О, умерь свою ярость, – резко сказала Элеонор. – Хорошо, что одна из сестер выйдет замуж, не важно, за англичанина или нет, потому что мой бедный брат Джеральд едва сводит концы с концами! – Она с одобрением посмотрела на Анну. – Не обращай внимания на Рори, моя дорогая, поскольку все английское раздражает его. Я очень рада за тебя.

– Спасибо, – ответила Анна, недовольная словами Рори.

– А я – хам, – сказал Рори, поклонившись. – Прошу прощения, мисс Фицджеральд, за то, что имел смелость высказать такие непопулярные взгляды. – Он резко посмотрел на Лизи: – А вы? Вы тоже будете искать руки англичанина?

Лизи отступила:

– Сомневаюсь, что вообще выйду замуж, мистер Макбейн.

Он в полном изумлении поднял брови.

– Рори останется на ужин, – объявила Элеонор. Внезапно она улыбнулась Анне, которая от слабости присела. – Мне нравятся цветы, – добавила она. – И теперь, когда у меня появилось время привыкнуть к этой идее, ты и твоя сестра можете остаться на неделю или две, – проговорила она.

Лизи была занята в кухне, доделывая пирог из ревеня. Повар стоял позади нее, высокий седоволосый шотландец с выпирающим животом. Девушка только что объяснила ему, что в качестве секретного ингредиента для приготовления пирога из ревеня она использует немного фруктового ликера. Он посмотрел на нее со знанием дела.

– Неудивительно, что леди так нравятся ваши пироги. Вы добавляете водку в пирог с лимонной начинкой, ром – в яблочный и бурбон – в шоколадный, который мы подавали прошлым вечером!

Лизи хотела улыбнуться, но не смогла. Прошло почти две недели с того судьбоносного дня, когда Элеонор решила, что они могут на некоторое время остаться на Мэрион-сквер. Анна и Лизи занимались рутинными делами: утром они проводили время в Жемчужной комнате, спокойно читая, а днем Лизи сопровождала тетю в ее социальных визитах, при походе за покупками или на прогулке. У Анны продолжался легкий грипп, который требовал, чтобы она отдыхала и не выходила на улицу. Такое притворство конечно же не могло продолжаться бесконечно. Тем временем из дома пришло два письма – от мамы, и Лизи их перехватила, так чтобы Элеонор не узнала об их обмане. И все же они не были уверены о своем будущем на Мэрион-сквер.

Прошлой ночью Лизи и Анна решили, что нужно немедленно рассказать Элеонор правду, поскольку больше не могли терпеть груз постоянной тревоги и бесконечного страха. И, кроме того, Анна полнела, и через некоторое время будет ясно, что она беременна.

Теперь Лизи была полна страха. Она остановилась, положив руки на деревянный стол, посыпанный мукой, молясь, чтобы Элеонор уже не заподозрила правду. Ее тетя стала странно смотреть на Анну, и она больше не заставляла ее ходить с ними на прогулку в парк или по магазинам.

– Лизи? Ты готова?

Лизи повернулась и увидела, что Анна стоит в дверях кухни, бледная и готовая упасть в обморок. Охваченная еще более невыносимым напряжением, она быстро улыбнулась повару, снимая фартук, и поспешила к сестре.

– У нас есть выбор? – прошептала она в ответ, когда они вышли из кухни.

Анна положила руки на живот, ее платье плотно обтянуло выпирающую его часть. Было так сильно заметно, что она беременна, что Лизи вскрикнула, всплеснув руками. Они в унынии посмотрели друг на друга.

Анна покачала головой, повернувшись в профиль:

– Больше невозможно скрывать мое положение, Лизи. О, я так боюсь! Что, если она сразу же нас выгонит?

Лизи закусила губу.

– Она не выгонит нас, я это чувствую, – ответила она, надеясь успокоить сестру.

Держась за руки, Лизи и Анна медленно пошли через холл к главному крылу дома. Лизи почувствовала, как дрожит Анна, когда они вошли в гостиную. Она хотела сказать что-то, чтобы снова ее подбодрить, но услышала, как приближается Элеонор, ее каблуки стучали по мраморному полу холла.

Элеонор вошла в гостиную, помахав перед ними письмом:

– Я требую объяснений!

Лизи и Анна встревоженно переглянулись.

– Что-то случилось?! – осторожно спросила Лизи.

– Что-то случилось? – вспыхнула Элеонор. – Я думаю, вы должны мне сказать. Я точно уверена, что-то не так – совсем не так! – в том, что вы появились без приглашения в моем доме. Анна больна день и ночь, ваша мать присылает мне письмо с благодарностью за приглашение, которое я не присылала, и спрашивает меня о здоровье, словно я больна!

Конечно, она разозлится, подумала Лизи, но на самом деле Элеонор казалась больше озабоченной, чем разгневанной.

– Пожалуйста, присядьте, тетя Элеонор. Мы должны обсудить с вами одно дело, – спокойно произнесла она.

Элеонор, побледнев, послушалась и села, сложив руки на коленях.

Анна встала перед ней, заломив руки.

– Простите, тетя Элеонор, – сказала она, опустив большие голубые глаза. – Это полностью моя вина. – Из глаз ее потекли слезы.

– Нам нужна ваша помощь, – хрипло проговорила Лизи. – Мы отчаянно нуждаемся в вашей помощи.

Элеонор посмотрела на нее, ни один мускул на ее лице не дрогнул, ее выражение казалось мрачным.

– Вы так добры, – осторожно начала Лизи, пока Анна плакала.

Элеонор прервала ее, вставая:

– Я не добрая женщина. Анна, прекрати истерику. Сейчас не время.

Анна послушалась, подняв глаза. Ее лицо было заплаканным, а взгляд – полным страдания.

– Ты беременна, не так ли? – спросила Элеонор. – Поэтому ты такая толстая. Поэтому ты не выходишь из дому.

Анна кивнула, закусив губу, готовая снова разрыдаться.

– Я никогда не хотела, чтобы это случилось!

Лизи сжала руку сестры, ее сердце отчаянно билось.

– Анна также обручена с замечательным британским военным! – поспешно воскликнула она. – Они должны пожениться в сентябре, но знаете что? Ребенок родится в июле. Тетя Элеонор, пожалуйста, разрешите нам остаться до рождения, чтобы Анна смогла вернуться домой и выйти за лейтенанта Морли.

Элеонор даже не посмотрела на Анну. Ее голос звучал спокойно:

– И он не отец?

– Нет, – заплакала Анна.

– И, как я понимаю, ваши родители понятия не имеют о твоём положении?

– Нет, не имеют, – ответила Лизи за сестру. – Это была моя глупая идея – приехать сюда, чтобы Анна могла родить ребенка в уединении у вас дома.

– И вы думаете, что я буду участвовать в этом отвратительном плане? – резко спросила Элеонор.

– Вы наша единственная надежда! – воскликнула Лизи. – Вы единственная надежда Анны. Вы не можете выгнать нас из дома теперь, когда мы отчаянно нуждаемся. Никто не может быть таким бессердечным.

Элеонор встретилась с ней взглядом:

– Я не говорила, что выгоню вас. Посмотри на меня, дитя, – сказала она Анне.

Анна подняла взгляд.

– Отец знает?

Анна без слов покачала головой.

Элеонор посмотрела на Лизи:

– Кто отец будущего ребенка?

Лизи напряглась:

– Тетя Элеонор, это не имеет значения! Анна любит Томаса. Мы найдем ребенку хороший дом.

– Вынуждена не согласиться с тобой, при условии конечно же, что отец благородный человек. – Элеонор склонилась к подбородку Анны: – Или ты спала с фермером?

Она покачала головой, из глаз ручьем полились слезы.

– Анна любит Томаса! – в тревоге воскликнула Лизи. – Отцу не нужно знать! Чем меньше людей знают об этом, тем лучше. Должна быть абсолютная секретность...

– Отцу нужно рассказать, – резко произнесла Элеонор. – Может быть, он возьмет ребенка. Ради бога, он не будет первым знатным человеком, который воспитывает незаконно-рожденного ребенка вместе с наследником, родившимся в браке.

Анна затрясла головой:

– Нет! Сейчас он не может!

– Анне придет конец! – воскликнула Лизи. – Вы же это понимаете! Если узнает отец, правда выйдет наружу – пойдут сплетни, слухи, будут показывать пальцем.

Анна вытерла лицо.

– Тетя Элеонор, мы не можем рассказать ему, никогда! Я люблю Томаса! Вы ведь хотите, чтобы я вышла замуж осенью? Пожалуйста, не заставляйте нас рассказывать отцу, пожалуйста! Это все разрушит!

Элеонор медленно повернулась к Анне. Та сжимала обе ее руки, а взгляд был отчаянный и умоляющий. Лизи молила о чуде.

– Я не хочу разрушать твою жизнь, Анна, – медленно проговорила Элеонор. – Мы все совершали ошибки. К несчастью, цена, которую нужно заплатить, слишком высока.

– Но я уже заплатила! – воскликнула Анна. Она прикоснулась руками к своему выпирающему животу. – Я ведь достаточно настрадалась!

– Ты мне немного начала нравиться, Анна, несмотря на твою ужасную самовлюбленность.

Анна отступила. Ее взгляд выражал надежду.

– Ты усвоила урок? – жестко спросила Элеонор. – Или вскоре устанешь от Томаса и будешь продолжать вести себя таким же бесстыдным образом?

Анна ахнула.

– Я никогда не устану от Томаса, тетя Элеонор! Я знаю, что мое поведение было неправильным. Мне очень стыдно, и я не могу этого объяснить! О, я так устала от этой дилеммы! Как бы мне хотелось никогда не встречать того мужчину. Как бы мне хотелось не быть в моем положении. Как бы мне хотелось уже быть замужем и жить с Томасом в Дербишире!

– Честно говоря, я боюсь за тебя, – сказала Элеонор.

Лизи не понравилось, как она это сказала.

– Если вы поможете нам, мы справимся, тетя Элеонор. С вашей помощью Анна сможет родить ребенка в полнейшей тайне и уехать отсюда, чтобы выйти за Томаса. Мы найдем ребенку замечательный дом. Но нам нужна ваша помощь.

Элеонор встретилась с ней взглядом:

– Ты очень преданная сестра, Элизабет, и очень храбрая.

Лизи сейчас было не до лести.

– Вы нам поможете? Вы же не хотите разрушать судьбу Анны?

– Вы можете остаться, – сказала Элеонор, – и я помогу вам, чем смогу. Но при одном условии.

– Что угодно! – воскликнула Лизи, не веря, что их дилемма разрешилась.

Элеонор взяла Анну за руку:

– Я настаиваю на том, чтобы ты сказала мне, кто отец, Анна. Это условие, при котором ты и твоя сестра можете остаться здесь до рождения ребенка. Однако я не открою его личность никому, я буду хранить ваш секрет.

Глаза Анны были широко раскрыты, когда она посмотрела на Элеонор. Лизи попробовала протестовать.

Анна посмотрела на Лизи. Затем опустила голову; ее щеки покрылись густым румянцем. Ее слова прозвучали как шепот, который почти невозможно услышать.

Поэтому Лизи наклонилась к ней.  
– Тайрел де Уоренн, – сказала Анна.

## Глава 6

### Ужасное решение

Лизи знала, что ослышалась.

– Анна?

Вздых Элеонор заполнил комнату.

– Тайрел де Уоренн отец? – с удивлением воскликнула она.

Анна подняла голову, прямо посмотрев на Лизи; ее взгляд был умоляющим.

– Мне жаль, – начала она, обхватив себя руками.

Лизи пошатнулась от шока, пол приподнялся к ней.

– Элизабет? Леклерк! Принеси соль! – потребовала Элеонор.

Лизи села.

И в тот момент сознание прояснилось. *Тайрел де Уоренн – отец ребенка Анны?* Нет, этого не может быть! Это ошибка, потому что она единственная, кто любит его, – у ее сестры дюжина других поклонников – это ужасная ошибка.

Комната больше не расплывалась. Лизи увидела, что Анна, серая как пепел, стоит рядом с Элеонор и смотрит на нее.

Лизи облизнула губы. Трудно было говорить, словно она потеряла голос.

– Анна?

Конечно же это ошибка, ее сестра никогда бы так с ней не поступила.

Глаза Анны были полны слез.

– Мне так жаль!

И тогда ее поразила эта ужасная, жестокая правда. *Анна спала с Тайрелом и сейчас вынашивает его ребенка.*

Боль, пронзившая ее грудь, была неопишима; в ней было так много обиды, но и измены и предательства. Все то время, пока она мечтала о Тайреле, безумно и глупо, Анна была его любовницей.

Лизи заплакала, держа руку на сердце, и Анна отвела взгляд. Боль в сердце поглотила ее целиком – сейчас она поняла настоящее значение этого слова. Она закрыла глаза, но ее разум заполнили нежеланные образы, пылкие интимные образы ее сестры и Тайрела.

Но как же это могло случиться? Тайрел де Уоренн – джентльмен, он никогда бы не смог соблазнить невинную молодую леди.

– Я звоню врачу! – встревоженно воскликнула Элеонор. – Леклерк! Немедленно вызови доктора Фицробрта!

Лизи попыталась сказать тете, что в этом нет необходимости, поскольку ни один врач не может вылечить ее разбитое сердце. Вместо этого из нее посыпались слова, пылкие и обвиняющие.

– Как ты могла? – воскликнула Лизи, посмотрев на сестру. И внезапно она разозлилась. – У тебя была дюжина поклонников! Почему он?

Анна покачала головой, ее рот задрожал, но она сложила руки, словно защищала себя.

– Ты не поймешь. О, Лизи, я прокляла тот день!

Элеонор медленно встала, переводя взгляд с одной сестры на другую.

– Мне нехорошо! – воскликнула Анна. – Я пойду лягу! – Она повернулась, чтобы выйти из комнаты.

Лизи вскочила:

– Нет! Как ты смеешь теперь убежать от меня? Я требую объяснения!

Анна застыла, стоя спиной к Лизи.

Лизи не двигалась, дрожа от ярости. Все мужчины обожали Анну. Почему Тайрел должен быть исключением? И Лизи почувствовала, как по ее щекам текут слезы. Конечно, Тайрел хотел Анну. Но он должен был предложить жениться – не нужно было губить ее таким образом.

– Что происходит? – очень спокойно поинтересовалась Элеонор. – Чего-то я не понимаю.

Напряженно, так напряженно, что ее губы едва двигались, Лизи произнесла:

– Я хочу поговорить с Анной. Наедине.

Элеонор медлила. Затем вышла, закрыв дверь за собой и Леклерком. Анна повернулась:

– Я не хотела, чтобы ты когда-нибудь узнала. Я не могу объяснить – это просто случилось.

Лизи! Не смотри так на меня!

Лизи покачала головой:

– Все это время, что я его любила, ведя себя как дурочка, вы с ним были любовниками?

– Нет! – воскликнула Анна. – Все не так! Это было только один раз, Лизи. Это произошло той ночью на балу в честь Хеллоуина.

И вся та ночь промелькнула в голове Лизи с удивительной скоростью.

Томный взгляд Тайрела, его решительная походка, его бесстыдное предложение, его возбужденное естество. *Встретимся в западном саду... В полночь.*

Анна в платье, испачканном ромом, просит ее поменяться костюмами, чтобы она смогла остаться и насладиться остатком вечера. *Ты же не против, Лизи? Ты же не хочешь остаться?*

Но даже ночью, даже когда они обменялись костюмами, Тайрел не мог спутать сестер. Лизи это точно знала. Анна была слишком красивой, чтобы можно было перепутать ее с кем-то.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.